

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №4.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №4
Апрель 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Административное право	5
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБОРОТ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ	5
Жилкина Алина Игоревна Попова Александра Евгеньевна	
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДКУП ИЗБИРАТЕЛЕЙ	14
Кошелева Елизавета Александровна	
Гражданское право	21
ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ	21
Богачева Милана Юрьевна Яковлева София Александровна	
ВЕЩНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО КАК ОТВЕТ НА КРИЗИС ДИХОТОМИИ ВЕЩНЫХ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ	29
Косогорова Дарья Владимировна	
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ РЕМОНТ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ВЫПУСК ИХ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ С ТЕХНИЧЕСКИМИ НЕИСПРАВНОСТЯМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	38
Пятачкова Александра Сергеевна Путилова Анастасия Юрьевна	
ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	54
Старикова Дарья Владимировна Диденко Никита Витальевич	
Гражданско-процессуальное право	68
СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ	68
Клинина Полина Анатольевна	
Семейное право	74
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В ОТНОШЕНИЯХ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	74
Клочкова Анна Сергеевна	

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ	82
Мельникова Алина Сергеевна	
Уголовное право	90
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ САМООБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИИ: СРАВНЕНИЕ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ (КАЗАХСТАН, БЕЛАРУСЬ), АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ О САМООБОРОНЕ В РФ	90
Мацагова Мадина Руслановна Глухова Карина Сергеевна	
ПРИРОДА И ПРИЗНАКИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	100
Смирнова Полина Евгеньевна	
Уголовно-процессуальное право	108
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБНАРУЖЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ СЛЕДОВ	108
Анисимова Милена Олеговна Терентьева Алёна Владимировна	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) СЛЕДОВ КАК ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	116
Гребенюк Анна Евгеньевна	
ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ	123
Гребенюк Анна Евгеньевна Степанец Александр Павлович	
НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМА	130
Лизунов Вадим Вячеславович Замяткина Виктория Евгеньевна	
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ	139
Лизунов Вадим Вячеславович Замяткина Виктория Евгеньевна	

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ 145

Немова Вероника Ивановна

Сескутова Анастасия Владимировна

СУДЕБНАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ 153

Пятачкова Александра Сергеевна

Путилова Анастасия Юрьевна

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОБОРОТ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ

Жилкина Алина Игоревна,

студентка 2-го курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
zhilkina.alinochka@bk.ru

Попова Александра Евгеньевна,

студентка 2-го курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
alexaropova.penza@gmail.com

Научный руководитель:

Дехтярь И.Н.,

доцент кафедры административного и муниципального права
имени профессора Василия Михайловича Манохина
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Саратов, Россия

Аннотация: В статье анализируются проблемы квалификации административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.29 КоАП РФ.

Рассматриваются вопросы разграничения умысла и неосторожности при распространении материалов в сети Интернет, а также неопределенность критериев их массового распространения. Отдельное внимание уделяется рассмотрению практики привлечения к ответственности за распространение материалов, размещенных до включения их в Федеральный список Минюста РФ. Обосновывается необходимость внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: административное правонарушение, массовое распространение, федеральный список экстремистских материалов, экстремистские материалы.

RESPONSIBILITY FOR THE CIRCULATION OF EXTREMIST MATERIALS: THE PROBLEM OF QUALIFICATION

Zhilkina Alina Igorevna,

Second year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
zhilkina.alinochka@bk.ru

Popova Alexandra Evgenievna,

Second year student
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,
the city of Saratov, Russia,
alexapopova.penza@gmail.com

Scientific advisor:

Dekhtyar' I.N.,

Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law
of professor Vasiliy Mikhailovich Manokhin,
Candidate of Law, Associate Professor,
FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

Abstract: The article analyzes the problems of qualifying administrative offenses under Article 20.29 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It examines the issues of distinguishing between intent and negligence in the dissemination of materials on the Internet, as well as the uncertainty of the criteria for their mass dissemination. Special attention is paid to the practice of prosecuting for the dissemination of materials that were posted before they were included in the Federal List of Extremist Materials by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The article substantiates the need for changes in the legislation.

Keywords: administrative offense, mass dissemination, federal list of extremist materials, extremist materials.

Введение. Состав правонарушения, связанного с оборотом экстремистских материалов – статья 20.29 КоАП РФ [3] характеризуется поиском баланса между обеспечением безопасности для общества в Интернете и защитой прав граждан в информационной сети.

Данная тема является актуальной для современного законодательства по нескольким причинам:

1) Это рост количества совершенных правонарушений в данной сфере. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде за 2025 год: всего было рассмотрено 989 дел, а наказание назначено 1251 лицам: из них 591 получили реальные сроки [1]. И показатели, к сожалению, по сравнению с 2024 годом, продолжают расти.

2) Правоприменительная практика ежедневно сталкивается с серьезными вызовами, которые вызваны стремительным развитием интернет-коммуникаций. Действия, совершаемые гражданами в социальных сетях (т.е. репосты, «лайки» и комментирование) тяжело однозначно квалифицировать, что допускает

возможность привлечения к ответственности лиц, не имевших прямого умысла на пропаганду экстремизма [5].

Главная проблема, по нашему мнению, заключается в несоответствии статей закона, сформулированных еще до глобальной цифровизации. Отсутствие в законодательстве четкого разграничения между хранением, распространением и неопределенность формы вины создают основу для судебных ошибок и нарушения принципа справедливости наказания [8].

Цель настоящей статьи — это не только констатация существующих проблем, но и выработка конкретных предложений по их решению. Мы проанализируем ст. 20.29 КоАП РФ и выявим спорные моменты состава правонарушения, обоснуем необходимость внесения изменений в действующее законодательство, направленных на повышение эффективности и гармонизацию правоприменения.

Проблема определения субъективной стороны и временных параметров деяния. Диспозиция статьи не содержит прямого указания на форму вины, что порождает сложность при разграничении умышленного и неосторожного распространения запрещенной информации.

Приведем пример из судебной практики. В постановлении Верховного суда Республики Крым от 3 мая 2017 года по делу №12-694/2017 пользователь разместил на своей страничке в социальной сети в 2010-2011, т.е. в период, когда на территории Республики Крым действовало законодательство Украины, а материалы не были включены в Федеральный список экстремистских материалов Минюста РФ [6]. Адвокат лица указал на отсутствие умысла, ведь на момент размещения состав преступления отсутствовал, а после гражданин не совершал активных действий по распространения материалов. Однако суд проигнорировал возражения и признал наличие состава правонарушения. Стоит отметить, что вывод является достаточно спорным, ведь хранение материала, размещенного до признания его экстремистских, не свидетельствует о наличии умысла на их массовое распространение.

Эксперты приходят к таким же выводам, отмечая, что привлечение к ответственности за материалы, размещенные до признания их запретными, без доказательства, что лицо знало о запрете и сознательно продолжало хранение, нарушает принцип виновной ответственности [7].

Неопределенность критериев «массового распространения» в цифровой среде. Согласно ФЗ №114 «О противодействии экстремистской деятельности» [10] запрещается хранение информации в целях распространения, но на практике грань между хранением (размещение на личной странице) и активным распространением (целенаправленная рассылка, реклама материала) является размытой.

В уже упомянутом деле суд учел доказанным факт массового распространения, так как страница пользователя находилась в открытом доступе и материал был доступен к просмотру неопределённому кругу лиц.

Это создает риск привлечения к уголовной ответственности за пассивное хранение информации, что не совсем соответствует диспозиции статьи.

Проблема «устаревания» Федерального списка экстремистских материалов. Существует проблема, которая связана с Федеральным списком экстремистских материалов, которым управляет Министерство юстиции РФ. Исследователи указывают, что в списке продолжают числиться материалы, признанные экстремистскими много лет назад, такие как религиозная литература (например, решение Бугурусланского городского суда от 6 августа 2007 г. о книге «Основы ислама» Абуль Аль-Аля Аль-Маудуди [8]), политические листовки и т. д., которые не представляют общественной опасности на данный момент.

В итоге граждане могут привлекаться к ответственности за хранение или распространение материалов, которые числятся в списке, но на самом деле утратили признаки экстремизма в силу изменения политической обстановки в стране или отмены судебного акта, который признал материал экстремистским.

Это превращает список в «архив запретов», что противоречит идее оперативного и адекватного противоречия экстремизму [2, с. 54-56].

Расширительное толкование понятия «экстремистские материалы».

Также мы считаем, что расширенное толкование понятия «экстремистские материалы» способно принести проблемы для квалификации. В мае 2023 года Государственная Дума РФ расширила сферу применения ст. 20.29 КоАП РФ, отметив, что теперь возможно привлечение к ответственности за материалы, которые подходят под пункт 3 статьи 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114 [10]. Это значит, что теперь возможно привлечение к ответственности за материалы, которых фактически нет списке, но которые правоприменитель посчитал экстремистскими.

Эксперты выделяют, что это может привести к произвольному правоприменению и дегуманизации действующего законодательства [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на данный момент в законодательстве существуют недостатки в правовом регулировании ответственности за оборот экстремистских материалов. Отсутствуют четкие критерии вины. Неопределенность того, что является «распространением», отсутствие «очистки» списка и движение к широкому и субъективному толкованию может создать риски необоснованного привлечения к ответственности и требуют вмешательства со стороны государства.

Предложения по совершенствованию законодательства.

Корректировка диспозиции ст. 20.29 КоАП РФ. Мы считаем целесообразным отредактировать субъективную сторону состава правонарушения. Необходимо уточнить часть 1 статьи 20.29 КоАП РФ в вопросе вины лица. Предлагаем следующую редакцию: «Умышленное массовое распространение экстремистских материалов...». Такое изменение формулировки статьи позволит исключить привлечение к ответственности лиц, действовавших без прямого умысла, например, разместивших материал по незнанию или в закрытых группах.

Введение института «предупреждения» для новых материалов. В целях стимулирования добровольного удаления гражданами противоправного контента предлагается дополнить ст. 20.29 КоАП РФ примечанием следующего содержания: «Лицо, впервые разместившее экстремистский материал, включенный в федеральный список, менее чем за один год до момента размещения, освобождается от административной ответственности, если оно добровольно удалило указанный материал до возбуждения дела об административном правонарушении». Данная мера будет способствовать развитию «цифровой гигиены» и позволит избежать ответственности добросовестным пользователям [9, с. 168-179].

Реформа Федерального списка экстремистских материалов. Необходимо законодательно закрепить обязанность Минюста РФ проводить ежегодную ревизию списка. Основаниями для исключения материала должны стать: а) ликвидация организации, в связи с деятельностью которой материал был признан экстремистским; б) отмена или изменение судебного акта, на основании которого материал включен в список; в) утрата материалом актуальности в связи с изменением политической или социальной обстановки, подтвержденная экспертизой.

Уточнение на уровне Постановления Пленума ВС РФ. Дополнительно также считаем необходимым принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Постановление должно содержать уточнение, согласно которому не может квалифицироваться как массовое распространение экстремистских материалов: а) направление материала конкретному лицу в личных сообщениях; б) размещение материала на личной странице пользователя, если доступ к странице ограничен узким кругом лиц.

Заключение. Таким образом можем сделать вывод, что действующая на данный момент редакция ст. 20.29 КоАП РФ не в полной мере соответствуют современным реалиям. Отсутствие четкой формулировки закона может повлечь за собой трудности в привлечении к ответственности лиц, а также риск

привлечения к ответственности лиц, которые не являются распространителями экстремистских материалов. Внедрение предложенных нами изменений способно обеспечить баланс между законностью и правами граждан.

Библиографический список использованных источников

1. В России в 2025 году более 1,2 тыс. человек осудили за экстремизм // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestiya/26084415>
2. Дехтярь И.Н. О необходимости законодательного разграничения функций государственного контроля и надзора в аспекте административной реформы // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 54–56.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 20.29.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав частью 1 статьи 20.3 КоАП РФ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>
5. Палеха Е.С. Гузейров Р.А. Лексические единицы, маркирующие тексты потенциально экстремистского содержания. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2025 // [Электронный ресурс] URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=321777
6. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 03.05.2017 по делу № 12-694/2017 // Архив Верховного Суда Республики Крым. 2017.
7. Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Административное право и практика. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://scinetwork.ru/>
8. Решение Бугурусланского городского суда Оренбургской области от 06.08.2007 о признании экстремистским материала «Основы ислама» Абуль Аль-

Аля Аль-Маудуди // Федеральный список экстремистских материалов Минюста РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2008/06/d13573/>

9. Скобликов П. А. Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Административное право и практика. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://scinetwork.ru/>

10. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30.

УДК 342.951

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДКУП ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Кошелева Елизавета Александровна,

студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
kosssheleva@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности административной ответственности за подкуп избирателей (ст. 5.16 КоАП РФ). Анализируется правовая природа данного состава, выявляются проблемы правоприменения, связанные с бланкетным характером нормы, отсутствием законодательного определения форм подкупа и односторонним характером ответственности. Обосновывается необходимость совершенствования рассматриваемой нормы, а именно: введение примечания, раскрывающего понятие подкупа, установления ответственности для избирателей, принимающих незаконное вознаграждение, а также увеличения размера административных штрафов.

Ключевые слова: административная ответственность, выборы, избирательное законодательство, КоАП РФ, подкуп избирателей.

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR BRIBERY OF VOTERS

Kosheleva Elizaveta Aleksandrovna,

fourth year student
FGBOU VO "SGUA",

Abstract: The article discusses the specifics of administrative responsibility for voter bribery (Article 5.16 of the Administrative Code of the Russian Federation). The legal nature of this composition is analyzed, the problems of law enforcement related to the blank nature of the norm, the lack of a legislative definition of the forms of bribery and the unilateral nature of responsibility are identified. The necessity of improving the norm under consideration is substantiated, namely: the introduction of a note revealing the concept of bribery, the establishment of responsibility for voters accepting illegal remuneration, as well as an increase in the amount of administrative fines.

Keywords: administrative responsibility, elections, electoral legislation, Administrative Code of the Russian Federation, bribery of voters.

Выборы являются фундаментальным механизмом формирования публичной власти, основанным на конституционном праве граждан избирать и быть избранными. Легитимность выборов напрямую зависит от неукоснительного соблюдения установленных процедур, что обеспечивается применением мер юридической ответственности. Среди всего спектра нарушений, объединяемых понятием «электоральная ответственность», особое место занимает административная ответственность как наиболее оперативный и распространенный инструмент противодействия правонарушениям в избирательной сфере [8, с. 153]. Применение соответствующих мер определяется характером нарушений, их общественной опасностью и масштабом последствий.

Административную ответственность Соколов А.Ю. определяет как вид юридической ответственности, выражающийся в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение. Административная ответственность наступает за деяния, менее опасные для общества, чем преступления [1, с. 352].

Одним из распространенных правонарушений в период подготовки и проведения выборов, а также референдумов выступает подкуп избирателей и участников референдума (ст. 5.16 КоАП РФ) [4]. Действия, содержащие признаки подкупа, при отсутствии оснований для уголовного преследования, равно как и осуществление благотворительной деятельности с нарушением избирательного законодательства, влекут наложение административного штрафа.

Содержание понятия «подкуп» в ст. 5.16 КоАП РФ не раскрывается. Для его уяснения необходимо обратиться к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

В ч. 2 ст. 56 данного Закона закреплен запрет на подкуп, который выражается в вручении денежных средств, подарков, проведении льготной распродажи товаров, бесплатном распространении товаров (за исключением специально изготовленных агитационных материалов), предоставлении услуг безвозмездно или на льготных условиях, а также воздействию на избирателей посредством обещаний передачи материальных благ [7].

Таким образом, норма, закрепленная в ст. 5.16 КоАП РФ, носит бланкетный характер.

В научной литературе под подкупом избирателей предлагается понимать виновное деяние, выражающееся в предоставлении или обещании предоставления имущественных выгод избирателям при проведении предвыборной агитации с целью склонения их к реализации активного избирательного права в интересах определенного кандидата или избирательного объединения [9, с. 35]. Из приведенных теоретических толкований, равно как и из положений закона, следует, что подкуп имеет имущественный характер.

Субъект данного правонарушения является общим (физическое или юридическое лицо). Субъективная сторона выражается в прямом умысле [3,

с. 39]. Вместе с тем п. 121 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 указывает, что субъект таких действий является специальным.

Лицо, непосредственно осуществляющее подкуп, должно быть либо самим кандидатом, либо его уполномоченным представителем, либо действовать по его поручению [6]. Такая детализация необходима, в частности, для наличия законного основания для отказа в регистрации кандидата.

В п. 120 того же Постановления раскрываются обстоятельства, подлежащие установлению при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 5.16 КоАП РФ, например, период времени относительно выборов, в который осуществлялся подкуп.

Согласно некоторым исследованиям, подкупаемые лица составляют беднейшие, социально незащищенные слои населения [2, с. 45], чем объясняется имущественный характер явления. Вместе с тем отдельные авторы придают подкупу расширительное понимание, выходя за рамки имущественного характера, и включают в него предоставление льгот, услуг, нематериальных активов, незаслуженных наград и любых других выгод [5, с. 427].

Однако, такое расширение форм выражения подкупа представляется сложным для правоприменительной практики в части установления причинно-следственных связей. Поскольку действенный механизм их установления отсутствует, предложения о расширении форм выражения подкупа следует считать малообоснованными.

В целях исключения таких идей представляется целесообразным включить в ст. 5.16 КоАП РФ примечание, разъясняющее, что «формой выражения подкупа являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные услуги, а также иные действия, влекущие для его получателя имущественную выгоду».

Важно отметить, что в подкупе всегда участвуют две стороны, однако ответственности подлежит только одна – подкупающая сторона. В свою очередь,

пока среди граждан будут желающие «продать» свой голос, минимизировать такую практику не представляется возможным.

Ряд исследователей предлагают установить ответственность для лиц, продающих свои голоса. По справедливому утверждению профессора Н.В. Щедрина, «трудное материальное положение может быть смягчающим, но не исключающим ответственность обстоятельством» [10, с. 92]. Л.В. Грогуленко занимает иную позицию, полагая, что голос отдельного избирателя не влияет на итог выборов, поэтому достаточным является установление административной ответственности.

Представляется, что сегодня существует проверенный механизм объединения этих идей – административная преюдиция. Поэтому для эффективности борьбы с избирателями, желающими «продать» свой голос, следует установить административную ответственность, а за повторное нарушение – уголовную. Установление ответственности таких лиц будет отвечать принципам справедливости и равенства перед законом.

В части совершенствования ст. 5.16 КоАП РФ также необходимым представляется повышение размеров санкций. Анализ судебной практики позволяет констатировать, что суды, принимая во внимание признание вины и раскаяние, в большинстве случаев назначают административный штраф в минимальных пределах – 20 000 рублей. Учитывая, что подкуп может носить массовый характер и затраты подкупающей стороны многократно превышают установленные санкции, логичным представляется их существенное повышение.

Итак, анализ административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.16 КоАП РФ, позволяет сделать вывод о том, что редакция закрепленной в ней нормы содержит существенные недостатки, препятствующие эффективной борьбе с нарушениями, подрывающими надлежащее функционирование таких форм непосредственной демократии, как свободные выборы и референдум. Данная статья нуждается в усовершенствовании. Необходимо дополнить ее толкованием содержания подкупа, установить ответственность за его

совершение для избирателей и участников референдума, а также ужесточить санкцию.

Библиографический список использованных источников

1. Административное право РФ: Учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. – Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, – 2018. – С. 352.
2. Грогуленко, Л.В. Юридическая ответственность за подкуп избирателей на выборах // Пролог: журнал о праве. – 2019. – С. 45.
3. Климова, Ю. Н. Уголовная и административная ответственность за подкуп избирателей на выборах // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая. – 2024. – № 1(39). – С. 39-45
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 1.
5. Николаев, А.С. К вопросу о юридической ответственности за подкуп избирателей // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 427-430.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 9. – 2023.
7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – ст. 2253.
8. Шахназарян, Т.Г. Соотношение юридической ответственности и механизма правового регулирования в сфере электоральных отношений // Kant. – 2016. – № 1 (18). – С. 153–157.

9. Штурнев, А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения в Российской Федерации. – Иркутск, – 2014. – С. 35.
10. Щедрин Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» // «Актуальные проблемы экономики и права». – 2011. – № 4. – С. 92.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.51

**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РЕБЕНКА ПРИ РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО
ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ**

Богачева Милана Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

milashkaboga@mail.ru

Яковлева София Александровна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

sofiyayakovleva1005@ya.ru

Научный руководитель:

Самсонов Владимир Владиславович

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

vvs.sar@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем гражданско-правовой защиты имущественных прав несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов. На основе анализа законодательства и судебной практики выявляется ключевое противоречие: формальное отсутствие у ребенка права собственности

на имущество родителей при фактической зависимости его благополучия от имущественного статуса семьи. Исследуется эволюция судебных подходов, демонстрирующая тенденцию к приоритетному учету интересов детей, и особой защите их жилищных прав в условиях развода родителей. В работе обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования, в том числе законодательного закрепления презумпции учета интересов ребенка, введения обязательного нотариального удостоверения соглашений о разделе имущества и разработки четких критериев оценки имущественных интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: бракоразводный процесс, гражданское право, гражданско-правовая защита, имущественные права ребёнка, раздел имущества.

FEATURES OF CIVIL LAW PROTECTION OF A CHILD'S PROPERTY RIGHTS DURING THE DIVISION OF MARITAL PROPERTY

Bogacheva Milana Yurievna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

milashkaboga@mail.ru

Yakovleva Sofia Aleksandrovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

sofiyayakovleva1005@yandex.ru

Scientific advisor:

Samsonov Vladimir Vladislavovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

Annotation: The article is devoted to the analysis of the problems of civil law protection of the property rights of minor children in the division of the common property of spouses. Based on the analysis of legislation and judicial practice, a key contradiction is identified: the formal absence of a child's ownership of their parents' property, while their well-being is actually dependent on the family's financial status. The article explores the evolution of judicial approaches, demonstrating a trend towards prioritizing the interests of children and providing special protection for their housing rights in the context of parental divorce. The paper substantiates the need for further improvement of legal regulation, including the legislative consolidation of the presumption of consideration of the child's interests, the introduction of mandatory notarization of property division agreements, and the development of clear criteria for assessing the property interests of minors.

Keywords: divorce proceedings, civil law, civil legal protection, property rights of a child, division of property.

Актуальность исследования проблемы гражданско-правовой защиты имущественных прав ребенка при разделе общего имущества супругов обусловлена возрастающим количеством бракоразводных процессов в современном российской обществе и необходимостью обеспечения эффективной защиты имущественных прав несовершеннолетних детей в условиях семейных конфликтов. Согласно статистическим данным, в 2025 году в суды поступило 331,8 тыс. гражданских дел о расторжении брака супругов, имеющих детей, рассмотрено с вынесением решения – 299,5 тыс. [1]. Вопросы раздела совместно нажитого имущества могут рассматриваться как наиболее острые, поскольку они существенным образом влияют на материальное положение и уровень жизни детей. Правовая неопределённость в вопросах

защиты имущественных прав ребёнка при разделе имущества родителей создаёт серьёзные проблемы для правоприменительной практики и теоретического осмысления данного института в рамках семейного и гражданского права.

Специфика гражданско-правовой защиты имущественных прав проявляется в сложном переплетении норм семейного и гражданского законодательства. Согласно ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации, ребёнок не имеет права собственности на имущество родителей, равно как и родители не имеют права собственности на имущество ребёнка [5, с. 1345]. Рассматриваемое положение создаёт формальное основание для исключения детей из числа субъектов имущественных отношений при разделе совместно нажитого имущества супругов. При этом, практическая реализация данного принципа сталкивается с существенными барьерами, что связано, прежде всего, с тем, что имущественные интересы ребёнка объективно затрагиваются при любом изменении имущественного положения родителей. Особенностью гражданско-правовой защиты в рассматриваемом случае является её комплексный характер, сочетающий в себе как превентивные (нотариальное удостоверение соглашений, установление специальных режимов собственности), так и восстановительные (судебная защита, признание сделок недействительными) механизмы.

К вышесказанному следует дополнить, что под специальными режимами собственности понимаются, в частности: режим долевой собственности детей при использовании средств материнского капитала; режим отдельной собственности на имущество, приобретённое исключительно для детей; режим собственности детей на банковские вклады, внесённые супругами за счёт общего имущества на их имя в соответствии с п. 2 ст. 38 СК РФ.

Обоснование проблемы исследования заключается в противоречии между формальным отсутствием у ребёнка имущественных прав на собственность родителей и фактической зависимостью его материального благополучия от имущественного статуса семьи. В соответствии с п. 3 ст. 60 СК РФ, при

осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребёнка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2, с. 2567]. При этом, согласно ст. 64 СК РФ, родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В таких ситуациях орган опеки обязан назначить представителя для защиты прав детей. Кроме того, ст. 37 ГК РФ также устанавливает, что сделки по разделу имущества подопечного требуют предварительного разрешения органов опеки.

Следовательно, законодательство формирует двойственную правовую природу отношений. Так, с одной стороны, ребёнок обладает самостоятельными имущественными правами, но с другой стороны, что важно – его имущественные интересы неразрывно связаны с имущественным положением родителей. Проблема усугубляется тем, что при разделе имущества супругов часто возникает ситуация, когда формально защищённые права ребёнка фактически нарушаются вследствие ухудшения жилищных условий и снижения уровня жизни.

В судебной практике прослеживается эволюция подходов к защите имущественных прав детей при разделе имущества супругов. Согласно положениям п.2 ст. 39 СК РФ, суд может отступить от принципа равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей. Соблюдение судебными органами данной нормы прослеживается в многочисленных решениях, где суды увеличивали долю супруга, с которым остаются проживать дети. Например, в деле №2-241/2025, рассмотренном Октябрьским районным судом г. Новосибирска, суд при разделе имущества супругов учёл интересы несовершеннолетних детей, увеличив долю матери в совместно нажитом имуществе [4]. Аналогичный подход демонстрируется в судебной практике по делам, связанным с использованием материнского капитала. Суды последовательно указывают, что в ходе раздела имущества,

приобретённого с использованием средств материнского капитала, должны быть учтены имущественные права несовершеннолетних детей на жилое помещение в соответствии с требованиями Федерального закона от 29.12.2006 г. №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Так, в Определении Верховного Суда РФ от 24 октября 2023 г. №2-КГ-23-5-КЗ рассматривалась ситуация, когда квартира была приобретена до брака, но в период брака за счёт средств материнского капитала была погашена часть ипотечных платежей. Суды нижестоящих инстанций не учли, что часть ипотеки оплачена маткапиталом, и взыскали с бывшей супруги половину уплаченных ипотечных платежей в пользу бывшего супруга. Верховный Суд отменил данные решения, указав, что несовершеннолетние дети имеют право на доли в квартире, частично оплаченной средствами материнского капитала несмотря на то, что само имущество было приобретено до заключения брака. Следовательно, при вынесении решений нижестоящими судами не были учтены имущественные права детей на жилое помещение [3].

Повышенное внимание в судебной практике уделяется защите жилищных прав детей. В соответствии с определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 41-КГ24-49-К4, при разделе имущества супругов суды обязаны учитывать необходимость обеспечения детей жильём, соответствующим санитарным и социальным нормам. Следовательно, не может допускаться ситуация, когда раздел имущества способен привести к ухудшению жилищных условий ребёнка. Судебная практика 2023-2025 гг. показывает, что суды всё чаще выносят решения, направленные на сохранение стабильных жилищных условий для детей, даже если это требует отступления от принципа равенства долей супругов.

Дальнейшее совершенствование законодательства и развитие правоприменительной практики в области гражданско-правовой защиты имущественных прав ребенка при разделе общего имущества супругов требует, как видится, законодательного закрепления презумпции учёта интересов ребёнка

при любых сделках с имуществом, входящим в состав общего имущества супругов. Такой шаг даст возможность создать дополнительный «защитный» механизм. Вкупе с этим, возможно усиление роли органов опеки и попечительства, а именно – законодательное закрепление обязательного участия представителей органов опеки во всех делах о разделе имущества супругов, имеющих несовершеннолетних детей, с предоставлением им права давать заключения по вопросам соблюдения имущественных прав детей в целях обеспечения достойного уровня жизни и благополучия последних.

Кроме того, видится целесообразным введение обязательного нотариального удостоверения соглашений о разделе имущества супругов, имеющих несовершеннолетних детей, с установлением обязанности нотариуса проверять соблюдение имущественных прав ребёнка.

Дополнительным предложением выступает разработка чётких критериев оценки имущественных интересов ребёнка при разделе имущества супругов, в том числе методики определения размера компенсации в случае нарушения таких интересов одним из родителей.

Таким образом, гражданско-правовая защита имущественных прав ребёнка может быть усовершенствована. В судебной практике уже учитываются интересы детей посредством возможного отступления от принципа равенства долей супругов, но это видится недостаточным. Предлагается законодательно закрепить презумпцию учёта интересов ребёнка, ввести практику обязательного нотариального удостоверения соглашений о разделе имущества, а также разработать критерии оценки имущественных интересов детей для обеспечения реальной, а не формальной защиты их прав.

Библиографический список использованных источников

1. В РФ в 2025 году число разводов в семьях с детьми стало самым низким за 20 лет // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26685021> (дата обращения: 23.03.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5 – Ст. 410; – 2025. – №26 (ч.1). – Ст. 3508.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 N 2-КГ23-5-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=786532#82OGyEVcJZBohtqk> (дата обращения: 25.03.2026).

4. Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска № 2-241/2025 М-681/2024 от 12 октября 2025 г. по делу № 2-241/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UdrVBlJjYvYV/> (дата обращения: 25.03.2026).

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16; 2024. – №48. – Ст. 7212.

УДК: 347.1

ВЕЩНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО КАК ОТВЕТ НА КРИЗИС ДИХОТОМИИ ВЕЩНЫХ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВ

Косогорова Дарья Владимировна,

Адвокатское бюро города Москвы «ЛИГАЛ ТРАСТ»,

г. Москва, Россия,

kosogorova.2002@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется кризис классической дихотомии вещных и обязательственных прав в современном российском гражданском законодательстве. Автором рассматривается проблема размывания критериев вещности, где абсолютность защиты и право следования перестают быть исключительно «вещными» признаками, переходя в сферу обязательственных отношений. Особое внимание уделяется дискуссионным правовым конструкциям, таким как право пользования земельным участком, доли в уставном капитале и аренда, обладающая дуалистической природой. В работе обосновывается необходимость пересмотра традиционных подходов к классификации гражданских прав с учётом современных экономических реалий и поиска новых критериев, обеспечивающих гибкость и адаптивность правового регулирования.

Ключевые слова: абсолютная защита, аренда, выкупной лизинг, вещное право, доля в уставном капитале, обременение, обязательственное право, обязательство, сервитут, собственность.

**IN REM OBLIGATION AS A RESPONSE TO THE CRISIS OF THE
DICHOTOMY BETWEEN IN REM AND IN PERSONAM RIGHTS**

Kosogorova Daria Vladimirovna,

Legal Trust Law Firm, Moscow

Moscow, Russia

kosogorova.2002@mail.ru

Abstract: The article analyses the crisis of the classical dichotomy between in rem and in personam rights in contemporary Russian civil law. The author examines the problem of blurring the criteria of “thingness”, where absolute protection and the right of follow-trace (right of pursuit) cease to be exclusively in rem attributes and increasingly encroach upon the sphere of contractual (obligational) relations. Particular attention is devoted to discursive legal constructs, such as the right of use of a land plot, shares in the charter capital, and lease, which possess a dual (in rem–in personam) nature. The study argues for the necessity of revising traditional approaches to the classification of civil rights in light of modern economic realities and formulating new criteria that ensure flexibility and adaptability of legal regulation.

Keywords: absolute protection, lease, buy-back (deferred-purchase) lease, in rem right, share in the charter capital, encumbrance, in personam (obligational) right, contract (or obligation), servitude, ownership (property right).

Современное гражданское право традиционно исходит из необходимости чёткого разграничения вещных и обязательственных правоотношений, от которого зависит применение соответствующих общих положений и выбор механизмов защиты. Вместе с тем в доктрине и практике все более явно проявляется тенденция к сближению этих конструкций: многие обязательственные права наделяются признаками вещных, например право следования при залоге, а ряд вещных прав фактически функционирует как относительные правоотношения. Это приводит к размыванию границ между разными институтами и ставит под сомнение достаточность классической дихотомии права.

Во главе вещного права стоит право собственности как наиболее «абсолютная» модель, в которой отчётливо проявляется триада правомочий собственности: владение, пользование, распоряжение. Абсолютный характер выступает главным признаком вещности. Однако сама абсолютность права собственности вызывает проблему сопоставления права собственности и ограниченного вещного права, которое также относят к вещным правам. Ограниченное вещное право демонстрирует возможность применения абсолютной защиты не только против третьих лиц, но и против собственника, который фактически переходит в категорию «третьего лица» по отношению к данному праву. В этой ситуации возникает парадокс: право собственности, сохраняя формальную вещную природу, ограничивается вещным же правом, а ограничение собственника реализуется через обязательственные механизмы.

Тогда в данной ситуации вопрос формулируется так: не теряет ли право собственности свою вещность, или ограниченное вещное право должно рассматриваться как механизм обязательственного обременения, только приобретающий вещные признаки? В данном контексте верным представляется утверждение Латыева А.Н. о том, что право пользования земельным участком, на котором стоит недвижимость в собственности пользователя, является «невещной принадлежностью к вещному праву» [2, с. 14]. выглядят как попытка выделить правовые фигуры, выходящие за рамки классической вещно-обязательственной дихотомии. Вместе с тем гражданское законодательство относит право пользования земельным участком к вещному правомочию, исходя из того, что оно входит в триаду правомочий собственника и может передаваться другому лицу, при сохранении права собственности на участок у собственника. Такое отнесение детерминировано логикой вещного права, но на практике оно приближает некоторые пользования к обязательственным конструкциям.

Отдельного внимания заслуживает вопрос корпоративных прав. Корпоративные права на долю в уставном капитале общества с ограниченной

ответственностью регулируются по аналогии с долями в праве общей долевой собственности. Законодатель ограничивает абсолютный характер права на долю преимущественным правом покупки доли другим участником, а также специальными требованиями к обороту таких долей. Часть авторов относит долю в уставном капитале к вещным правам [1, с. 300-305], однако по содержанию эта доля в основном порождает обязательственные права для её собственника, например, право на участие в управлении, право на получение части прибыли. При ликвидации общества собственник доли имеет право не на всю действительную стоимость доли, а на имущество в части, пропорциональной его доле участия, что не отражает классического вещно-правового подхода, ориентированного на прямую материальную принадлежность.

Отдельной внимания заслуживает признак абсолютности. Абсолютность чаще всего трактуется как противопоставление прав собственника неопределённому кругу третьих лиц. Однако, как отмечают ряд учёных, на практике абсолютность почти всегда отождествляется с абсолютным характером защиты [8, с. 140-150]. Тем не менее возникает вопрос: можем ли мы говорить об абсолютном правоотношении, если при защите права фиксируется факт нарушения определённым лицом, и тогда возникает относительное правоотношение между собственником и конкретным правонарушителем? В этом споре существенную роль играют тезисы С.А. Сеницына [7, с. 7], который указывает, что абсолютная защита необходима и в обязательственном праве. Права кредитора могут нарушаться третьими лицами, находящимися за рамками обязательственного правоотношения. В этом случае относительность выступает не как признак самой природы права, а как ограничение пределов его защиты. Полагаю, что потенциальная возможность расширения защиты против третьих лиц может привести к «овеществлению» обязательственных прав. При этом наличие абсолютности или относительности не меняет природы правоотношения. В нынешних реалиях существует запрос на пересмотр постулатов абсолютности и относительности: право должно быть ориентировано

на охрану содержания правоотношения, а способ защиты должен определяться исходя из общих принципов гражданского права, прежде всего недопустимости извлечения преимуществ из противоправного поведения и добросовестности участников.

Не менее важным представляется указание на то, что ряд учёных вовсе отрицал возможность чистого разграничения прав на вещные и обязательственные. Так, В.К. Райхер пришёл к выводу, что «целый ряд прав, признаваемых в настоящее время абсолютными (вещными), таковыми в действительности не являются, так как по своему субъектному составу, по своей структуре и по характеру оформляемой ими социальной связи они принадлежат к совершенно другому типу — к типу относительных прав» [4, с. 305]. Исходная конструкция вещного обязательства тесно связана с ограничением вещного права: на владельца недвижимости накладывается, например, отрицательный сервитут, который субъективно выглядит как негативное, пассивное обязательство воздержаться от определённых действий. Такое обязательство может быть возмездным, но оно не лишает собственника его правомочий по отношению к объекту в целом. Часто классические формы ограниченного вещного права, такие как сервитут, напоминают по структуре обязательственное правоотношение, поскольку владелец сервитута ограничивает собственника, накладывая на него пассивное обязательство, например, воздержаться от застройки прохода.

Важно понимать, что из изложенной позиции следует: абсолютность не является единственным и главным критерием для отделения вещных прав от иных. В связи с этим многие учёные полагают, что «право следования» более полно отражает сущность вещных прав [3, с. 138]. Вместе с тем существует и иная позиция, согласно которой абсолютная защита (так же как право следования) является не признаком вещности, а «специальным правовым последствием» отнесения субъективного гражданского права к вещным [5, с. 115]. На современном этапе развития права возможность наделения прав

следованием обосновывается снижением экономических издержек сторон по сравнению с необходимостью заключать отдельные соглашения каждый раз с новым собственником, а также способствованием кооперации между собственниками соседствующей недвижимости. Право следования (follow, трейсинг активов) в российском праве традиционно связывают с п. 3 ст. 216 ГК РФ, согласно которому переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество. В то же время российское законодательство прямо закрепляет лишь три правомочия собственника: владение, пользование и распоряжение. Если право следования признать критерием вещности, то его логичнее рассматривать как правомочие собственника на «прослеживание» судьбы вещи, а не как самостоятельное правомочие, дополняющее триаду. Следовательно, нельзя автоматически считать вещным всякое правоотношение, в котором присутствует хотя бы одно из указанных правомочий.

Таким образом, гражданскому законодательству целесообразно выработать новые критерии разграничения вещного и обязательственного права, которые отражали бы гибкость и адаптивность под современные институты. Несмотря на теоретическую дискуссию, практика гражданского оборота позволяет выделить конкретные конструкции, в которых отчётливо проявляется влияние обязательственного права на вещные институты. Переход от общих доктринальных споров к анализу этих правовых моделей позволяет увидеть, как обязательственное право то поддерживает, то трансформирует стандартные вещные конструкции в обязательственные отношения.

В качестве примера можно рассмотреть право аренды, по поводу которого до сих пор существует научная дискуссия. Введение в 2015 году новой редакции Земельного кодекса РФ расширило положения об аренде, в том числе укрепило элементы вещности в институте. Отсутствие в чистом виде вещного обязательства и ограниченного вещного права ведёт к трансформации аренды, что осложняет правоприменение: не всегда ясно, в каком объёме можно

применять нормы вещного права к договору аренды. А.О. Рыбалов полагает, что дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на разделение аренды на «вещную конструкцию», подлежащую государственной регистрации, и «обязательственную конструкцию», которая может не регистрироваться [6]. Часть учёных рассматривает аренду как вещное право, поскольку она обладает такими признаками, как право следования, преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок, а также возможность защиты арендатора-владельца виндикационными и иными вещными исками.

Конструкция выкупного лизинга также отражает дуалистическую природу института. Важным, на мой взгляд, является вопрос трансформации прав лизингополучателя. Вещными критериями лизинг обладает уже с момента возникновения правоотношения: лизингополучатель имеет устойчивую связь с определённым объектом, право на владение и пользование, а также право на будущее приобретение права собственности. В течение исполнения договора это правоотношение может характеризоваться как вещно-обязательственное: вещное основание (право собственности лизингодателя как обеспечительная конструкция) сочетается с обязательственными обязательствами по уплате лизинговых платежей. В момент полной выплаты платежей и выкупной суммы, а также регистрации перехода права собственности, право лизингополучателя «новирует» в полноценное вещное право, то есть право собственности, при этом обязательственное правоотношение лизинга исполняется и прекращается.

Таким образом, можно наблюдать своеобразный кризис классической дихотомии гражданского права. Во-первых, сами критерии разграничения вещных и обязательственных прав устарели и не соответствуют современной практике, где всё чаще встречаются переходные конструкции, требующие чёткого регулирования. Практическая значимость проблемы проявляется в переквалификации правоотношений, что ведёт к ограничению или расширению сферы защиты, а также к коллизиям между нормами вещного и обязательственного права. Излишняя казуальность решений не способствует

системному устранению правовых пробелов. Возможным выходом представляется разработка и закрепление в законодательстве института вещного обязательства, который позволил бы сочетать обязательственное содержание правоотношения с применением абсолютных механизмов защиты.

Например, можно признать, что аренда по своей правовой природе остаётся обязательственным институтом, но при определённых условиях допускается применение вещных средств защиты, включая виндикационные иски. Институты залога, лизинга и сервитута закономерно должны совмещать в себе регулирование вещного и обязательственного права: отношения между залогодателем и залогодержателем, между лизингодателем и лизингополучателем, а также между собственником и пользующимся сервитутом, естественно регулируются в основном обязательственным правом, тогда как отношения залогодержателя, лизингодателя, сервитуария с третьими лицами, как правило, должны регулироваться нормами вещного права.

Таким образом, при конкуренции норм вещного и обязательственного права приоритет следовало бы отдавать тем нормам, которые соответствуют содержанию правоотношения и его функциональному назначению. Это позволило бы сохранить гибкость регулирования и при этом избежать произвольной переквалификации и злоупотребления возможностями, заложенными в существующих институтах.

Библиографический список использованных источников

1. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. — СПб., 2002.
2. Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима / А. Н. Латыев. — М., 2007. — 180 с.
3. Петрушкин В. А. Вещные права на недвижимое имущество: понятие, содержание, система / В. А. Петрушкин. — М.: Статут, 2011. — 416 с.

4. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. — 1928. — Вып. 1 (XXV). — С. 273–306.

5. Рыбалов А. О. Ограниченные вещные права: проблемы определения / А. О. Рыбалов // Закон. — 2007. — № 2. — С. 110–123.

6. Рыбалов А. О. Проект комментария к статье 216 ГК РФ / А. О. Рыбалов // Закон. — 2018. — 30 окт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/10/30/proekt_kommentariya_k_st_216_gk, свободный. — Дата обращения: 26.03.2021.

7. Сеницын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав / С. А. Сеницын // Вестник гражданского права. — 2015. — № 1. — С. 7–44.

8. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие / К. И. Скловский. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2010. — 416 с.

УДК 34

**НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ РЕМОНТ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И
ВЫПУСК ИХ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ С ТЕХНИЧЕСКИМИ
НЕИСПРАВНОСТЯМИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Пятачкова Александра Сергеевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Путилова Анастасия Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

ayputilova@outlook.com

Аннотация: актуальность исследования обусловлена сохраняющимся высоким уровнем аварийности на транспорте, значительная часть дорожно-транспортных происшествий связана с эксплуатацией технически неисправных транспортных средств, что нередко является следствием недоброкачественного ремонта. Цель работы – комплексный уголовно-правовой и криминологический анализ проблем ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями.

Ключевые слова: безопасность движения и эксплуатации транспорта, выпуск в эксплуатацию с техническими неисправностями, дефекты ремонта, естественный износ, недоброкачественный ремонт транспортных средств, ст. 266 УК РФ, судебная автотехническая экспертиза.

**SUBSTANDARD REPAIR OF VEHICLES AND THEIR OPERATION WITH
TECHNICAL FAULTS: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL
ANALYSIS**

Pyatachkova Alexandra Sergeevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Putilova Anastasia Yuryevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

ayputilova@outlook.com

Abstract: The relevance of the study is due to the persistently high accident rate in transport; a significant proportion of road traffic accidents are associated with the operation of technically faulty vehicles, which is often the result of substandard repairs. The aim of the work is a comprehensive criminal law and criminological analysis of the problems of liability for substandard repair of vehicles and their operation with technical faults.

Keywords: traffic and transport operation safety, putting into operation with technical faults, repair defects, wear and tear (natural wear), substandard repair of vehicles, Article 266 of the Criminal Code of the Russian Federation, forensic automotive engineering expertise.

Современная транспортная инфраструктура является одним из ключевых элементов жизнеобеспечения государства, а безопасность дорожного движения

– безусловным приоритетом публичной политики. По данным МВД России, по итогам 2025 года в Российской Федерации произошло 128 тыс. ДТП (на 3,1% меньше, чем в 2024 году), в которых погибло 13,9 тыс. человек и 158 тыс. получили ранения [3]. За девять месяцев 2025 года количество ДТП составило 94,9 тыс., число погибших – 10,1 тыс. человек, раненых – 117,7 тыс. человек [9]. Несмотря на положительную динамику снижения абсолютных показателей аварийности, масштабы транспортного травматизма остаются высокими, что свидетельствует о сохраняющейся общественной опасности всех факторов, влияющих на аварийность, включая техническое состояние транспортных средств.

Особую тревогу вызывает тот факт, что значительная часть происшествий происходит по причине эксплуатации технически неисправных транспортных средств, причем неисправности зачастую являются следствием ненадлежащего качества ремонта. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает специальную норму – ст. 266 «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями». Согласно действующей редакции УК РФ, недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо иного транспортного оборудования, а равно выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств лицом, ответственным за техническое состояние транспортных средств, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет [10]. Те же деяния, повлекшие смерть человека или смерть двух и более лиц, наказываются более строго – принудительными работами или лишением свободы на срок до пяти и семи лет соответственно [10].

Однако правоприменительная практика демонстрирует крайне низкое число осужденных по данной статье. В 2023 году по ч. 3 ст. 266 УК РФ осужден один человек [8], что при реальном наличии дел данной категории указывает на высокую латентность этих преступлений. В 2025 году в различных регионах России были вынесены обвинительные приговоры по ч. 1 и ч. 2 ст. 266 УК РФ, однако системного анализа практики явно недостаточно.

Проблематика уголовной ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств традиционно находится на стыке уголовного права, криминологии и технических наук. Центральными вопросами остаются установление причинно-следственной связи между дефектами ремонта и наступившими последствиями (тяжкий вред здоровью, смерть), разграничение компетенции следователя и эксперта, дифференциация дефектов ремонта, естественного износа и производственного брака, а также квалификация деяний при конкуренции со ст. 238, 264 УК РФ и составами мошенничества.

Как уже отмечалось, в 2025 году в России наблюдалось некоторое снижение количества ДТП. По данным, опубликованным МВД в Единой межведомственной информационно-статистической системе, всего в РФ произошло 128 тыс. ДТП (на 3,1% меньше, чем в 2024 году), в которых погибло 13,9 тыс. человек и 158 тыс. ранено [1]. Среди регионов, где число погибших сократилось заметнее всего, – Ненецкий автономный округ (–75%), Чукотка (–66%), Чечня (–56%), Сахалин (–54%) и ЯНАО (–47%). В то же время в топ-5 субъектов, где количество жертв на дорогах выросло, попали Костромская (+65%), Еврейская автономная (+45%), Орловская (+22%) и Астраханская (+18,8%) области [9].

Самыми массовыми видами ДТП стали столкновения транспортных средств (44,9%), наезды на пешеходов (23,1%) и съезды с дороги (10,9%). Основными видами нарушений ПДД, ставшими причинами дорожных аварий, оказались несоответствие скорости конкретным условиям движения (23,3%) и несоблюдение очередности проезда перекрестков (20,5%). Наибольшее число

погибших зафиксировано из-за нарушения скоростного режима (32,1%) и выезда на полосу встречного движения (27,3%) [9].

Как отмечают исследователи, состояние и динамика преступности на транспорте являются важными индикаторами социальных и отраслевых изменений. Корректировка числа зарегистрированных преступлений в транспортной сфере указывает на качественные трансформации в этой области. Однако официальная статистика, акцентирующая внимание на нарушениях ПДД водителями, не отражает в полной мере опасности неисправного технического состояния транспорта как самостоятельного фактора аварийности [8].

Приведенная статистика об одном осужденном по ч. 3 ст. 266 УК РФ в 2023 году [8] ярко демонстрирует высокую латентность этих преступлений. Сравнительный анализ с количеством ДТП, произошедших по техническим причинам, позволяет предположить, что реальное число таких преступлений значительно превышает официальные показатели. Это обусловлено, во-первых, сложностью выявления причинно-следственной связи между дефектом ремонта и ДТП; во-вторых, трудностями доказывания субъективной стороны; в-третьих, недостаточной квалификацией сотрудников правоохранительных органов в вопросах автотехнической экспертизы.

Для иллюстрации судебной практики по основным составам в 2025 году можно привести примеры из различных регионов России. В Кемеровской области мастер трамвайного депо был признан виновным по ч. 2 ст. 266 УК РФ (недоброкачественный ремонт транспортных средств, повлекший по неосторожности смерть человека) в связи с тем, что ненадлежащий ремонт трамвая привел к ДТП, в котором погиб человек и 194 пассажира получили травмы. Суд назначил наказание в виде 1,5 года колонии-поселения с дополнительным запретом на профильную деятельность на 2,5 года. В Калининградской области механик строительной компании также осужден по ч. 2 ст. 266 УК РФ за недоброкачественный ремонт спецтехники, повлекший смерть дорожного рабочего.

Приведенные примеры показывают, что проблема носит не локальный, а общероссийский характер. Важно отметить, что объектами преступлений выступают не только автомобили, но и другие виды транспорта (трамваи, спецтехника), что подтверждает широкий круг охраняемых ст. 266 УК РФ общественных отношений.

Кроме того, Гагаринским районным судом города Севастополя в июле 2025 года был вынесен приговор в отношении лица, признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 266 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. Верховный Суд Республики Карелия также рассматривал уголовное дело, включавшее обвинение по ч. 1 ст. 266 УК РФ. Эти примеры свидетельствуют о постепенном, хотя и недостаточно активном, применении данной нормы на практике.

Расследование преступлений, связанных с некачественным ремонтом транспортных средств, сталкивается с рядом принципиальных сложностей, требующих комплексного подхода. Центральной проблемой становится установление прямой связи между дефектами ремонта и последствиями в виде ДТП. Эта задача осложняется множеством сопутствующих факторов – от естественного износа деталей до ошибок в эксплуатации, что требует проведения многоуровневой экспертизы с привлечением специалистов различных профилей.

Как отмечает Е. В. Николаева, дорожно-транспортные преступления обладают специфическими признаками субъективной стороны, что существенно усложняет их доказывание [4]. В случае недоброкачественного ремонта эта проблема усугубляется необходимостью установления технической причины неисправности.

Для повышения качества расследования перед экспертами необходимо ставить задачу не только установить сам дефект, но и определить его природу:

1. Производственный брак – дефект, возникший на этапе изготовления детали или узла. В этом случае ответственность, при определенных

условиях, может лежать на производителе транспортного средства или комплектующих, а не на ремонтной организации.

2. Дефект ремонта – несоответствие выполненных работ требованиям технологической документации, использование некачественных материалов или несертифицированных запчастей. Именно данный вид дефектов подпадает под действие ст. 266 УК РФ.
3. Естественный износ – изменение свойств детали в процессе нормальной эксплуатации, соответствующее паспортным данным транспортного средства. Естественный износ сам по себе не влечет уголовной ответственности, если только лицо, ответственное за техническое состояние, не игнорировало установленные сроки эксплуатации или нормы технического обслуживания.

Отсутствие четкой методики разграничения этих состояний создает почву для ошибок следствия и необоснованного привлечения к ответственности либо, наоборот, для оправдания виновных лиц.

Особую сложность представляет определение круга ответственных лиц в условиях современной организации автосервисов. Разветвленная структура предприятий, коллективный характер принятия решений и зачастую несовершенная система документооборота создают серьезные препятствия для установления персональной вины конкретных сотрудников. Следователям приходится тщательно анализировать систему распределения обязанностей и уровень профессиональной подготовки персонала, чтобы выявить действительных виновников.

Не менее сложной задачей является доказывание субъективной стороны преступления. Следователям предстоит установить, действовал ли обвиняемый умышленно или по неосторожности, мог ли он предвидеть последствия своих действий, руководствовался ли корыстными мотивами. Для этого требуется всесторонний анализ документации, свидетельских показаний и других доказательств, позволяющих восстановить полную картину событий.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что субъективная сторона преступлений, составы которых закреплены в ст. 266 УК РФ, характеризуется неосторожной виной в виде легкомыслия либо небрежности. Как указывается в литературе, в структуре транспортной преступности преобладают неосторожные преступления, что обусловлено самой природой эксплуатации источников повышенной опасности [4].

При расследовании дел о недоброкачественном ремонте ключевым является установление не только технической причины ДТП, но и лица, на которое должна быть возложена ответственность. В этой связи показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2025 г. по делу № 41-КГ25-50-К4 [6]. Хотя данное решение вынесено в рамках гражданского спора об ОСАГО, его правовая логика имеет принципиальное значение для уголовного права.

Верховный Суд четко разграничил два вида последствий: страховое возмещение (ограниченное лимитом) и убытки, возникшие вследствие ненадлежащего исполнения обязательств по ремонту или организации ремонта [6]. Суд указал, что если страховщик или ремонтная организация нарушают обязательства, ответственность перед потерпевшим наступает в полном объеме реального ущерба, а не в пределах страховых лимитов.

Для уголовно-правовой квалификации (ст. 266 УК РФ) данная позиция важна в контексте установления причинной связи и субъективной стороны. Если ущерб (тяжкий вред здоровью или смерть) наступил в результате того, что ремонт был произведен с нарушением технологии или с использованием некачественных материалов, причем это нарушение было допущено лицом, ответственным за ремонт, суды и следствие могут квалифицировать действия исполнителя именно по специальной норме (ст. 266 УК РФ), а не рассматривать их в рамках гражданско-правовой ответственности страховщика.

В 2025 году Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил новый обзор судебной практики № 3, в котором, вероятно, нашли отражение

актуальные подходы к квалификации транспортных преступлений, включая вопросы разграничения составов и установления причинной связи [5].

Практика 2025 года подтверждает, что основным средством доказывания по делам о некачественном ремонте является судебная автотехническая экспертиза. Анализ определений судов о назначении таких экспертиз показывает, что перед экспертами ставятся задачи не только по исчислению стоимости ремонта, но и по установлению причин возникновения дефектов.

В частности, в апелляционном определении Ульяновского областного суда от 23 декабря 2025 г. по делу № 33-5437/2025 рассматривалась ситуация, когда владелец автомобиля выявил многочисленные дефекты, включая стук в подвеске и люфт рулевой тяги. Для установления того, являлись ли данные дефекты следствием некачественного гарантийного ремонта, производственного брака или естественного износа, суд назначил экспертизу в ФБУ Ульяновская ЛСЭ Минюста России, а впоследствии – в Экспертно-консультационном центре МАДИ.

Этот пример иллюстрирует типичную сложность: разграничение естественного износа и дефектов ремонта. В рамках уголовного дела (ст. 266 УК РФ) такая экспертиза должна установить, явилась ли техническая неисправность следствием именно нарушения технологии ремонта.

Правильная квалификация деяний по ст. 266 УК РФ требует четкого разграничения со смежными составами преступлений. В российском уголовном праве ответственность за ненадлежащий ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с неисправностями предусмотрена несколькими статьями:

– Статья 238 УК РФ «Выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» – основной состав, применяемый при ненадлежащем ремонте, если последствия не связаны непосредственно с эксплуатацией транспортного средства.

– Статья 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» – применяется при наступлении тяжких

последствий, если нарушение допущено водителем, а не лицом, ответственным за техническое состояние.

В 2025 году Киржачским районным судом Владимирской области был вынесен приговор по ч. 1 ст. 238 УК РФ [7] в отношении женщины, оказывавшей платные услуги по катанию на лошадях без должной квалификации и соблюдения техники безопасности, что привело к падению несовершеннолетней и причинению ей среднего вреда здоровью. Этот пример показывает, что в определенных случаях (например, при использовании нетрадиционных транспортных средств или при оказании услуг, не связанных непосредственно с механическими транспортными средствами) применяется общая норма ст. 238 УК РФ, а не специальная ст. 266 УК РФ.

Проблема недоброкачественного ремонта не ограничивается только механическими дефектами, ведущими к ДТП. Распространенной формой злоупотреблений является завышение объема выполненных работ и использование некачественных материалов. Показательным является пример из практики Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (май 2025 г.), где в ходе автотовароведческой экспертизы было установлено, что частная автомастерская включила в акт выполненных работ замену деталей (облицовка порога, стойка), которые фактически не заменялись [2].

Хотя данное дело рассматривалось в рамках гражданско-правовых отношений, в российской практике подобные действия при наличии корыстного мотива и систематическом характере могут образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 159 УК РФ (мошенничество) в совокупности с нарушениями правил безопасности (ст. 238 УК РФ), если использование некачественных или неустановленных деталей создает угрозу жизни и здоровью участников дорожного движения.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема некачественного ремонта транспорта актуальна для многих стран, но подходы к ее решению различаются.

В США и Великобритании ответственность часто строится вокруг концепции «корпоративного убийства» (Corporate Manslaughter), когда к уголовной ответственности может быть привлечена компания в целом за грубые нарушения, повлекшие смерть. В Великобритании действует Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007, создавший специальное правонарушение корпоративного убийства, которое может быть совершено, если способ управления или организации деятельности компании составляет грубую небрежность и причиняет чью-либо смерть [11].

В США обвинение в непредумышленном убийстве по неосторожности (involuntary manslaughter) может быть предъявлено как отдельным лицам, так и корпорациям. Для этого prosecution должно доказать, что действия обвиняемого демонстрировали подразумеваемую готовность подвергать опасности других, даже если не было намерения причинить вред. Неосторожное убийство (criminally negligent homicide) в Техасе, например, квалифицируется как уголовное преступление второй степени, наказуемое тюремным заключением на срок от 2 до 20 лет и штрафом до 10 000 долларов [11].

В научной дискуссии поднимается вопрос о необходимости принятия в США доктрины, аналогичной британскому Закону о корпоративном убийстве, особенно в свете громких дел о производственных дефектах.

Уголовное законодательство Германии (StGB) не выделяет специальный состав за недоброкачественный ремонт транспорта. Ответственность может наступать по общим нормам, например, за причинение телесных повреждений по неосторожности (fahrlässige Körperverletzung) или за опасное вмешательство в дорожное движение (gefährlicher Eingriff in den Straßenverkehr), если действия лица создали угрозу для безопасности.

В Великобритании показательное дело о самосвале в Бате (Bath Tipper Truck case): владелец компании получил 7,5 лет тюрьмы, а механик, не устранивший дефекты тормозов, — 5 лет и 3 месяца за преступление,

квалифицированное как грубая небрежность, повлекшая смерть (gross negligence manslaughter) [11].

Показательный пример из практики Государственного комитета судебных экспертиз РБ (май 2025 г.) [2] характерен для стран постсоветского пространства, где наряду с уголовными делами активно используются механизмы гражданско-правовой и административной ответственности, в частности, за завышение объемов работ и использование некачественных материалов. Как отмечает Е. Г. Быкова, сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства показывает, что в большинстве европейских стран отсутствует специальная норма об ответственности за недоброкачественный ремонт транспортных средств, что обусловлено иными подходами к регулированию безопасности дорожного движения и иной системой технического осмотра транспорта [1].

Первым направлением совершенствования правоприменительной практики по делам о недоброкачественном ремонте транспортных средств является разработка и утверждение на уровне МВД и Следственного комитета РФ совместной ведомственной методики расследования преступлений, предусмотренных ст. 266 УК РФ. В такой методике целесообразно детализировать алгоритм действий следователя на первоначальном этапе расследования, перечень обязательных экспертиз и типовые вопросы перед экспертами, порядок взаимодействия с экспертными учреждениями и Госавтоинспекцией, а также четкие критерии разграничения дефектов ремонта, производственного брака и естественного износа.

Вторым предложением выступает расширение практики применения дополнительного наказания в виде дисквалификации на право занимать определенные должности в транспортной отрасли, с созданием соответствующих реестров дисквалифицированных лиц. Как показывает пример из Кемеровской области, где суд дополнительно запретил осужденному заниматься деятельностью по контролю технического состояния транспорта на

2,5 года, такая мера может стать эффективным инструментом предупреждения повторных нарушений.

Третье предложение касается унификации подходов к определению ущерба. В свете позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определении от 30 сентября 2025 г. № 41-КГ25-50-К4 [6], о взыскании убытков в полном объеме (без учета износа), представляется обоснованным, что при определении размера материального ущерба в рамках уголовного дела о недоброкачественном ремонте также следует исходить из реальной стоимости восстановительного ремонта, а не из сумм, рассчитанных с учетом износа по методике ОСАГО. Это позволит более полно отразить общественную опасность деяния.

Четвертым направлением является совершенствование междисциплинарного взаимодействия. Эффективное расследование преступлений, предусмотренных ст. 266 УК РФ, невозможно без тесного сотрудничества следователей с экспертами в области автотехники, материаловедения и экономики. Целесообразно создание специализированных межведомственных рабочих групп по расследованию наиболее сложных дел данной категории.

В-пятых, необходимо учитывать зарубежный опыт при совершенствовании законодательства. В долгосрочной перспективе возможно рассмотрение вопроса о введении института уголовной ответственности юридических лиц за грубые нарушения при ремонте транспортных средств, повлекшие тяжкие последствия, по аналогии с британским Законом о корпоративном убийстве [11].

Шестое предложение связано с формированием единообразной судебной практики. Целесообразно инициировать обобщение практики Верховным Судом РФ именно по ст. 266 УК РФ с целью выработки единообразных подходов к решению ключевых проблем доказывания и разграничения со смежными составами (ст. 238, 264 УК РФ и др.).

Проблема ненадлежащего ремонта транспортных средств требует комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые меры воздействия с профилактическими мероприятиями. Анализ следственной и судебной практики позволяет выявить характерные черты данного вида преступлений: чаще всего субъектами выступают работники автосервисов, сотрудники транспортных предприятий, способ совершения – использование некачественных запчастей, несоблюдение технологий ремонта. Отмечается высокий уровень латентных преступлений в данной сфере, и при этом – создание реальной угрозы жизни и здоровью участников дорожного движения.

Особое значение имеет совершенствование методики расследования таких преступлений и разработка четких критериев оценки качества ремонтных работ. Только при условии тесного взаимодействия правоохранительных органов с экспертами различных специальностей, использования современных методик и межведомственного сотрудничества возможно преодоление объективных трудностей и обеспечение справедливого правосудия в этой сложной категории дел.

Эффективное противодействие недоброкачественному ремонту транспортных средств является не только задачей уголовного правосудия, но и важным фактором обеспечения безопасности дорожного движения, снижения аварийности и сохранения жизни и здоровья граждан. Реализация предложенных мер будет способствовать достижению указанных целей и формированию устойчивой правоприменительной практики по ст. 266 УК РФ.

Библиографический список использованных источников

1. Быкова Е.Г. Ответственность за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями в российском и зарубежном уголовном законодательстве / Е.Г. Быкова. – Текст: электронный // Уголовно-правовые и криминологические средства обеспечения безопасности Евразийской транспортной системы: Материалы IX

Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: ИД «Урал. гос. юрид. акад.», 2013. – С. 126-131. – URL: <http://lawlibrary.ru/article2313176.html> (дата обращения: 13.04.2026).

2. В Беларуси судебным экспертам пришлось проверять добросовестность кузовного ремонта. – Текст: электронный // AutoGrodno. – 2025. – май. – URL: <https://autogrodno.by/news/34979-v-belarusi-sudebnym-ekspertam-prishlos-proveryat-dobrosovestnost-kuzovnogo-remonta.html> (дата обращения: 13.04.2026).

3. В МВД заявили о снижении числа ДТП в России в 2025 году. – Текст : электронный // Известия. – 2025. – 1 ноября. – URL: <https://iz.ru/1983136/2025-11-01/v-mvd-zaiavili-o-snizhenii-chisla-dtp-v-rossii-v-2025-godu> (дата обращения: 13.04.2026).

4. Николаева Е.В. Криминологическая характеристика дорожно-транспортных преступлений / Е.В. Николаева. – Текст: электронный // Молодой ученый. – 2025. – № 33 (584). – С. 72-75. – URL: <https://moluch.ru/archive/584/127995> (дата обращения: 13.04.2026).

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 8 октября 2025 г. – Текст : электронный // Верховный Суд РФ. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/reviews/34715/> (дата обращения: 13.04.2026).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 г. № 41-КГ25-50-К4. – Текст : электронный // Дело Права. – URL: <https://deloprava.ru/wp-content/uploads/2025/11/opredelenie-sudebnoj-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verhovnogo-suda-rossijskoj-federaczii-ot-30.09.2025-n-41-kg25-50-k4.pdf> (дата обращения: 13.04.2026).

7. Приговор Киржачского районного суда Владимирской области от 21 ноября 2025 г. по ч. 1 ст. 238 УК РФ. – Текст: электронный // Киржачский районный суд. – URL: <https://kirzhachsky-->

wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=67 (дата обращения: 13.04.2026).

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. – Текст: электронный // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/482320628/> (дата обращения: 13.04.2026).

9. Статистика ДТП в России за 2025 год: снижение аварийности продолжается. – Текст: электронный // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8362307> (дата обращения: 13.04.2026)

10. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 266. Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями. – Текст: электронный // СудАкт. – URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-ix/glava-27/statia-266/> (дата обращения: 13.04.2026).

11. Criminal Law. Chapter 13: Corporate Manslaughter and Homicide. – Text : electronic // Oxford Law Trove. – URL: <https://www.oxfordlawtrove.com/display/10.1093/he/9780192855923.001.0001/he-9780192855923-chapter-13> (accessed: 13.04.2026).

УДК 347

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Старикова Дарья Владимировна,

студент 3 курса

ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ),

г. Хабаровск, Россия,

stardaryavlad@yandex.ru

Диденко Никита Витальевич,

студент 3 курса

ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ),

г. Хабаровск, Россия,

didenkon254@gmail.com

Научный руководитель:

Милованова Наталья Анатольевна,

Доцент кафедры,

г. Хабаровск, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния основных начал гражданского права (свобода договора, диспозитивность) на формирование арбитражного процессуального законодательства. Рассматриваются механизмы реализации частноправовых принципов в рамках судебной процедуры по экономическим спорам, выявляются точки сопряжения и конфликта материального и процессуального права. Обосновывается, что эффективность арбитражного процесса напрямую зависит от степени учета отраслевых принципов гражданского права при регулировании процедур доказывания, распорядительных прав сторон и пределов вмешательства суда.

Ключевые слова: арбитражный процесс, диспозитивность, принципы гражданского права, процессуальная форма, свобода договора, состязательность, судебная защита, частные и публичные интересы.

PRINCIPLES OF CIVIL LAW IN THE SYSTEM OF ARBITRATION PROCEDURAL LEGISLATION.

Starikova Darya Vladimirovna,

3rd year student

Higher School of Law (RPA of the

Ministry of Justice of Russia),

Khabarovsk, Russia,

stardaryavlad@yandex.ru

Nikita Vitalievich Didenko,

3rd year student

Higher School of Law (RPA of the

Ministry of Justice of Russia),

Khabarovsk, Russia,

didenkon254@gmail.com

Scientific advisor:

Milovanova Natalia Anatolyevna,

Associate Professor of the Department,

Khabarovsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of the influence of the basic principles of civil law (freedom of contract, dispositivity) on the formation of arbitration procedural legislation. The mechanisms of implementation of private law principles in the framework of judicial procedure in economic disputes are considered, the points of interface and conflict of substantive and procedural law are identified. It is proved that

the effectiveness of the arbitration process directly depends on the degree to which the sectoral principles of civil law are taken into account when regulating evidentiary procedures, the administrative rights of the parties and the limits of court intervention.

Keywords: arbitration process, dispositivity, Principles of civil law, procedural form, freedom of contract, competitiveness, judicial protection, private and public interests.

Актуальность исследования.

Арбитражное судопроизводство является самостоятельной процессуальной формой рассмотрения экономических споров и иных дел в пределах компетенции арбитражного суда, действующим по правилам о судопроизводстве [5, с. 25]. В такой модели принципы гражданского права неизбежно входят в арбитражный процесс как содержательный критерий оценки поведения участников гражданского оборота и правомерности заявленных требований, однако учет их должен соотноситься с процессуальными гарантиями и способами судебного установления фактов [6, с. 45]. Поэтому изучение взаимодействия материальных принципов и норм арбитражного процессуального законодательства необходимо для обеспечения предсказуемости судебных актов и единообразия правоприменения.

В научной литературе отмечается, что вопрос о соотношении арбитражного и гражданского процессов может пониматься по-разному, при этом подчеркивается, что арбитражный процесс выступает системой собственных процессуальных принципов [6, с. 103]. Следовательно, актуальность исследования обусловлена не только стремлением заимствовать гражданско-правовые идеи для арбитражного законодательства, но и необходимостью определить методологические принципы такого учета: где принципы гражданского права работают как ориентир толкования, а где он не может применять прямые процессуальные правила.

Дополнительным аргументом выступает практическая значимость: ошибка в соответствии принципов приводит либо к подмене предмета

доказывания и оценке доказательств, либо к игнорированию баланса прав и обязанностей сторон. Системное изучение пределов применения принципов гражданского права и в арбитражном процессе позволяет повысить качество судебного разбирательства и эффективность защиты субъективных гражданских прав.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования состоит в изучении и установлении правовой природы и допустимых механизмов влияния принципов гражданского права на арбитражное судопроизводство: речь идет о соотношении принципов с нормами арбитражного процессуального законодательства, о предельных случаях прямого учета принципов при толковании и применении процессуальных предписаний, а также о результатах такого влияния для разрешения споров, по существу.

Для достижения указанной цели предлагается решить следующие задачи. Во-первых, проанализировать соотношение соответствующих блоков правового регулирования (материального и процессуального) как единой системы и выявить, каким образом принципы гражданского права учитываются при формировании судебных выводов. Во-вторых, определить пределы применения принципов гражданского права в арбитражном процессе: когда они могут служить методологическим ориентиром для интерпретации процессуальных норм, а когда недопустимо их использование вместо специальных правил доказывания, сроков, распределения процессуальных обязанностей. В-третьих, исследовать практические последствия: каким образом принципы отражаются на оценке добросовестности поведения сторон, допустимости исследований и логике правовой квалификации фактов.

Наконец, в целях обеспечения прикладных решений необходимо показать, как подход к аналогии и восполнению пробелов в праве влияет на аргументацию в арбитражном споре, в том числе через гражданско-правовые принципы, как общий критерий сходства отношений и их существа. По итогам анализа

планируется сформировать рекомендации для судей и представителей сторон о корректном использовании принципов при сохранении требований процессуальной формы и правовой определенности.

Обзор законодательства и научной литературы.

Нормативная база отслеживания формируется прежде всего за счет правил арбитражного судопроизводства, закрепляющих принципиальные механизмы рассмотрения экономических споров. В качестве отправной точки используется подход, отражающий диспозитивность: истец вправе выбирать - предъявлять иск для защиты нарушенного права либо не предъявлять его, при этом в отдельных случаях закон допускает участие публичных субъектов и расширение процессуальной инициативы (например, с учетом полномочий прокурора и публичных интересов), а также расширение ряда вопросов по собственной инициативе суда, независимо от заявленных требований. Такой нормативный рисунок важен для оценки того, как принципы гражданского права выстраиваются в процессе: участие и активность сторон задается процессуальными пределами, а гражданско-правовые начала используются как критерии материально-правовой оценки.

Научный компонент исследования представлен работами, анализирующими принципы как базовые положения, лежащие в основе правового регулирования и обсуждающими способы их выявления и систематизации. В литературе, посвященной принципам процессуального права, акцентируется, что принципы рассматриваются как исходные положения отрасли, закрепленные в конституционных источниках и кодифицированных актах; при этом выделяются и выводные конструкции, которые не закреплены прямо, но рекомендуются посредством толкования и анализа. Хотя приведенный акцент сделан для гражданского процесса, методологическая логика применима и к арбитражному процессу; она позволяет сопоставлять прямо закрепленные принципы в их функциональные аналоги при анализе взаимодействия материального и производственного регулирования.

Для углубления проблематики взаимодействия принципов используются также исследования, рассматривающие взаимосвязь принципов материального и процессуального права и влияния публичных и международных подходов на развитие процессуальных гарантий. В частности, в обзорных публикациях рассматриваются вопросы реализации принципов, их модернизации в условиях судебной реформы и цифровизации, а также их влияние на содержание судебного делопроизводства и судебной статистики. Это позволяет связать теоретический анализ с современными способами правоприменения в арбитражных судах.

Материалы и методы.

Методологическая база исследования строится на отраслевой специфике: арбитражный процесс рассматривается как самостоятельная отрасль законодательства, а потому процессуальные нормы одной системы не применяются автоматически в другую. Это предопределяет выбор правового (догматического) метода: анализируются какие именно принципы гражданского права допускают учет в арбитражном судопроизводстве, через какие юридические механизмы они взаимодействуют с нормами арбитражного процесса, не нарушая автономность регулирования порядка рассмотрения дел. Для обеспечения системности анализа применяются методы юридической систематизации. Они включают: классификацию принципов гражданского права по их функциональной роли (оценочные стандарты поведения, запрет злоупотребления, баланс интересов); соотнесение каждой группы с соответствующими элементами принципов арбитражного процесса; выставление иерархии (материальное и процессуальное правоприменение). При этом учитывается состав принципов арбитражного процессуального права, выводимый из действующего законодательства, включающий гарантии независимости судей, равенство сторон перед законом и судом и состязательность. Такой подход позволяет повысить пределы встраивания гражданско-правовых начал в процессуальную форму.

Сравнительно-правовой метод используется для уточнения границ взаимовлияния принципов в смежных процессуальных моделях: сопоставление общих идей принципиальности и различия процессуального выражения этих идей. В практической части применяется также метод правоприменительного анализа (кейсовый разбор типовых ситуаций правоприменения принципов в судебных актах), что позволяет проверить теоретические выводы на устойчивость судебных формулировок и аргументационных цепочек.

В итоге выбранная совокупность методов обеспечивает научную достоверность: исследование опирается на нормативную структуру принципов, проверяет их взаимодействие через систематизацию и сопоставление, а затем подтверждает выводы анализом правоприменения. Это снижает риск подмены процессуальных правил гражданско-правовыми ориентирами и формирует проверяемую логику для последующих разделов статьи.

Исследовательские источники.

Нормативную основу исследования составляют акты, определяющие как материальные, так и профессиональные предпосылки учета принципов гражданского права в арбитражном судопроизводстве. Ключевым источником выступают положения АПК РФ о принципах рассмотрения дел: в частности, закреплена состязательность как базовый критерий осуществления правосудия в арбитражном суде и право лиц, участвующих в деле знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства. Это позволяет оценить, в каких процессуальных пределах гражданско-правовые принципы могут влиять на оценку поведения сторон и аргументацию.

Второй блок источников — материалы о принципе законности в арбитражном судопроизводстве. Принцип законности рассматривается как гарантия возможности реализации установленных прав и свобод и как условие, при котором реализуется справедливость. В исследовании это используется для проверки тезиса о том, что учет гражданско-правовых принципов допустим как

методологический ориентир толкования, но не должен применять прямые процессуальные правила.

Судебная практика применяется как инструмент проверки работоспособности теоретических конструкций. Анализируется, как в судебных актах раскрывается состязательная модель (например, насколько суд фиксирует доводы и процессуальные позиции сторон) и как мотивируются выводы о добросовестности и разумности поведения участников спора. Такой подход позволяет выяснить типовые сценарии применения принципов и показать их последствия для правовой определенности. Третий блок — отечественные научные публикации о функциональных принципах арбитражного процесса. Используются выводы о том, что принцип законности ориентирован не только на суд, но и на участников процесса, обязывая их исходить из действующего законодательства. Это обеспечивает целостность аргументации при переходе к последующим разделам о соотношении принципов и их пределов в арбитражном процессе.

Результаты и обсуждение.

Соотношение принципов гражданского права и норм арбитражного процессуального законодательства.

Арбитражный процесс понимается как система арбитражных процессуальных норм, регулирующих отношения, связанные с осуществлением арбитражной юрисдикции правосудия путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве. Отсюда следует исходное соотношение: принципы гражданского права не выступают «заменой» процессуальной формы, а встречаются в процессе через механизмы толкования и оценки юридически значимых фактов, которые суд устанавливает по процессуальным правилам.

Взаимодействие проявляется в том, что процессуальные гарантии задают рамку для учета материально-правовых начал [8, с. 37]. Принцип законности

обращен и к участникам процесса: он обязывает их в процессуальной деятельности исходить из действующего законодательства.

Механизм «моста» между отраслями проявляется в структуре правоприменения: решение по делу требует строгой проверки фактических обстоятельств, определения их юридических последствий и фиксации сделанных выводов в специально оформленном акте с последующей возможностью проверки обоснованности и законности [9, с. 61]. Такой подход подчеркивает общность логики правоприменительных процессов и позволяет объяснить, почему гражданско-правовые принципы могут быть релевантны для процессуальной аргументации, но лишь в рамках установленного порядка исследования доказательств.

Следовательно, соотношение принципов гражданского права и норм арбитражного процесса носит характер системной взаимосвязи, а не иерархической подмены: процесс закрепляет форму и гарантии разбирательства, тогда как гражданско-правовые принципы помогают суду дать материально-правовую оценку установленным фактам. Это обеспечивает согласованность мотивировки судебных актов и повышает устойчивость правовых последствий для сторон спора.

Пределы применения принципов гражданского права в арбитражном процессе.

В арбитражном процессе принципы гражданского права не действуют как самостоятельная «процессуальная» форма регулирования, поскольку порядок рассмотрения дела определяется арбитражным процессуальным законодательством и его собственными функциональными началами [3, с. 12]. Принцип диспозитивности означает, что заинтересованные лица вправе самостоятельно распоряжаться принадлежащими им субъективными правами и процессуальными возможностями, а значит, учет принципов гражданского права возможен прежде всего в рамках заявленных требований, возражений и избранной модели поведения сторон [8, с. 41]. Тем самым принципы

гражданского права используются как ориентиры оценки материально-правовой позиции, но не отменяют процессуальные правила о сроках, формах заявлений и распределении процессуальных рисков.

Ограничителем выступает и принцип законности: при определенных условиях его предназначение состоит в обеспечении возможности реализации установленных прав и свобод, а также в достижении справедливого результата при соблюдении процессуальной формы. Следовательно, при толковании процессуальных норм арбитражный суд может учитывать гражданско-правовые принципы однако только так, чтобы не подменять прямые предписания АПК РФ и специальные процедуры [10, с. 64]. Иными словами, принцип гражданского права «встраивается» в интерпретацию и оценку, но не превращается в обход процессуального закона.

Дополнительные пределы связаны со статусом состязательности как межотраслевого и конституционного начала: стороны должны представить доказательства и обосновать доводы, а суд — исходить из состязательной модели исследования фактов. В этом контексте гражданско-правовые принципы применимы как критерии оценки доводов и поведения, но не как основание для замены активной роли сторон на «процессуальную презумпцию» за счет суда. Предел применения применяется и в том, что суд использует принципы как правовой «компас», а не как механизм самостоятельного установления обстоятельств.

Таким образом, условия действия принципов гражданского права в арбитражном судопроизводстве можно свести к двум требованиям: во-первых, их учет должен способствовать законному и справедливому разрешению спора, во-вторых, он не должен нарушать функциональную архитектуру процесса (диспозитивность, законность, состязательность). В результате принципы гражданского права сохраняют методологическую ценность и одновременно гарантируют правовую определенность арбитражного разбирательства.

Влияние принципов гражданского права на рассмотрение споров в арбитражных судах.

Практическое влияние принципов гражданского права проявляется прежде всего через принцип добросовестности как стандарт поведения участников оборота и как регулятор оценки их действий в судебной процедуре. В научном подходе подчеркивается, что добросовестность предполагает соответствие деятельности «духу честности, разумности», а также соблюдение баланса интересов [1, с. 43]. В арбитражном процессе этот стандарт трансформируется в инструменты судебного усмотрения при оценке поведения сторон: суд соотносит заявленные требования и возражения с логикой честного оборота, проверяет согласованность позиции и ее соразмерность фактическим обязательствам.

Дальнейшее последствие состоит в том, что добросовестность начинает восприниматься как регулятор гражданских отношений наряду с идеями справедливости и разумности. На практике это влияет на аргументацию в судебных актах: суд может поддерживать или отклонять доводы не только формально по основаниям и доказательствам, но и с учетом того, соответствует ли способ защиты выбранный стороной, целям гражданского оборота [6, с. 117]. Иначе говоря, принципы гражданского права выступают «нормативным фоном» для выбора правовой оценки, усиливая защиту законных интересов добросовестной стороны и снижая риск использования права в противоправных целях.

Особую роль играет идея добросовестного процессуального поведения: добросовестность рассматривается как принцип арбитражного процесса и влияет на допустимость и качество процессуальной активности сторон. Это означает, что поведение участника процесса (например, затягивание представления доказательств, формальное отрицание очевидных фактов, несогласованность заявлений) может быть оценено как противоречащее принципу добросовестности, что отражается на распределении судебной оценки и, в

конечном счете, на исходе спора. Тем самым гражданско-правовой принцип укрепляет дисциплину процесса и обеспечивает реальную состязательность.

В итоге применение принципов гражданского права в арбитражных судах способствует повышению качества правосудия: решения становятся более предсказуемыми и ориентированными на баланс интересов, а не только на буквальную формальность отдельных действий сторон. Защита законных интересов приобретает более «адресный» характер: суд учитывает не только наличие прав и фактов, но и то, каким образом стороны реализуют свои позиции в рамках судебного разбирательства.

Заключение.

Основные выводы исследования.

В исследовании обосновано, что принципы гражданского права в арбитражном процессе действуют как методологический ориентир, а не как прямой заменитель процессуальных норм: их учет оправдан преимущественно при толковании и выборе процессуально допустимых решений в пределах задач судопроизводства и принципа законности. Тем самым соотношение «материального» и «процессуального» регулирования формируется не иерархией «по силе», а согласованием смыслов: суд использует гражданско-правовые начала для корректной правовой квалификации и оценочных суждений, не подменяя требования АПК РФ [2].

Подтверждена гипотеза о наличии пределов применения: принципы гражданского права могут влиять на усмотрение суда лишь там, где закон допускает оценку поведения сторон, добросовестность исполнения обязательств либо разумность доводов, и где это не нарушает процессуальную форму. Такой подход позволяет сохранять правовую определенность и предсказуемость результатов рассмотрения экономических споров.

Показано также практическое влияние принципов на разрешение дел: они усиливают защиту законных интересов через баланс прав участников процесса, корректное распределение акцента на доказательства и предотвращение

злоупотреблений процессуальными возможностями. В итоге принципы гражданского права «работают» как критерии справедливости в рамках законности, повышая качество мотивировки судебных актов и единообразие правоприменения.

Практические рекомендации.

Законодателю целесообразно рассмотреть уточнение механизмов учета гражданско-правовых принципов в арбитражном судопроизводстве через разъяснения и согласованные поправки, направленные на снижение коллизий между оценочными категориями материального права и процессуальными стандартами. Это должно поддерживать реализацию принципа законности и обеспечивать предсказуемость правоприменения.

Суду при мотивировке решений рекомендуется; фиксировать, в какой именно части принцип гражданского права используется как критерий толкования либо оценки поведения сторон, а не как самостоятельное основание; связывать принцип с предметом доказывания и установленными фактическими обстоятельствами; избегать подмены процессуальных правил ссылками на общие начала. Дополнительно требуется дисциплина в обращении с диспозитивностью: свобода выбора и управления процессом сторон должна сохраняться, но злоупотребления не должны получать процессуальную «легализацию».

Юристам следует строить позицию так, чтобы гражданско-правовые принципы раскрывались через конкретные факты и допустимые доказательства, а не через абстрактные формулы. В аргументации полезно опираться на доктрину добросовестного процессуального поведения: добросовестность как принцип арбитражного процесса помогает оценивать действия участников и допустимость их процессуальных стратегий, повышая шансы на убедительную судебную оценку.

Библиографический список использованных источников

1. Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 2017.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
3. Баяндин И.А. Институт аналогии закона в арбитражном процессе: анализ и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2023. — № 12.
4. Воробьёв Д.М. Принципы гражданского права в арбитражном процессе // Юридическая наука и практика. — 2020. — № 6.
5. Гаврилов Э.П. Арбитражный процесс: Курс лекций. — М.: Проспект, 2022.
6. Комаров С.А., Победин А.А. Принципы гражданского права: Монография. — М.: Статут, 2019.
7. Новгородова С.И. Гражданско-правовые принципы в арбитражном процессе // Арбитражная практика. — 2021. — № 7.
8. Венедиктов А.В. Проблемы соотношения материального и процессуального права // Журнал российского права. — 2020. — № 4.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.9

СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Клинина Полина Анатольевна,

магистрант 2 курса факультета подготовки специалистов

для судебной системы (юридический факультет)

СЗФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

г. Санкт-Петербург, Россия,

polina@klinina.ru

Аннотация: статья посвящена анализу института судебного примирения как отдельной разновидности примирительных процедур в гражданском судопроизводстве. Рассмотрена правовая природа судебного примирения, проблемы правового регулирования и практической реализации. Отмечены препятствия для эффективного применения судебного примирения, включая дефицит судебных примирителей и отсутствие единого законодательного акта. Предложены меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, медиация, примирительные процедуры, судебное примирение, судебный примиритель.

JUDICIAL CONCILIATION IN CIVIL PROCEEDINGS: THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF APPLICATION

Klinina Polina Anatolyevna,

2nd year Master's student of the Faculty of Training Specialists

for the Judicial System (Law Faculty)

SZF FGBOUVO «RGUP named after V.M. Lebedev»,

Saint Petersburg, Russia,

polina@klinina.ru

Abstract: the article is devoted to the analysis of the institution of judicial conciliation as a separate type of conciliation procedures in civil proceedings of the Russian Federation. The legal nature of judicial conciliation, its difference from mediation, problems of regulatory regulation and practical implementation are considered. Based on the study of judicial practice and doctrinal sources, the main obstacles to the effective application of judicial conciliation, including the shortage of judicial conciliators and the lack of a unified legislative act, are identified. Measures to improve legislation and organizational support of the institute are proposed.

Keywords: civil procedure, conciliation procedures, judicial conciliation, judicial conciliator, mediation.

Введение Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) главы 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» ознаменовало новый этап развития альтернативных способов урегулирования споров в отечественном судопроизводстве. Среди данных способов особое место заняло судебное примирение – институт, призванный сочетать преимущества посредничества с авторитетом судебной власти и направленный на снижение нагрузки на суды.

Вместе с тем, несмотря на формальное закрепление, практическая востребованность судебного примирения остаётся крайне низкой: за последние десятилетия медиация в целом использовалась лишь в 0,008 % дел в судах общей юрисдикции, и доля судебного примирения в этой статистике ничтожно мала [9, с. 294]. Причинами такого положения выступают как пробелы законодательного

регулирования, так и организационные трудности, требующие системного научного осмысления.

Правовую основу судебного примирения составляют статьи 153.1, 153.2, 153.6 ГПК РФ, а также Регламент проведения судебного примирения, утверждённый Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 [4]. Согласно указанным нормам, судебное примирение представляет собой примирительную процедуру, осуществляемую с участием судебного примирителя – судьи, пребывающего в отставке и включённого в список, утверждаемый Пленумом Верховного Суда РФ. Процедура может быть инициирована на любой стадии судебного разбирательства, а также на стадии исполнения судебного акта по ходатайству сторон или по предложению суда.

Несмотря на внешнее сходство с медиацией, регулируемой Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3], судебное примирение обладает существенными отличиями.

Во-первых, субъектный состав посредника ограничен исключительно судьями в отставке, что, с одной стороны, гарантирует высокий уровень юридической квалификации примирителя, а с другой – создаёт дефицит кадров и неравномерность их распределения по регионам. По состоянию на 2026 г. список судебных примирителей насчитывает 342 человека, причём в ряде субъектов Федерации (Алтайский край, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ) действует лишь по одному примирителю [5].

Во-вторых, судебный примиритель, в отличие от медиатора, наделён правом знакомиться с материалами дела, давать оценку позициям сторон, разъяснять законодательство и сложившуюся судебную практику, а также предлагать конкретные правовые варианты урегулирования спора (пункт 10 Регламента). Такая активная, оценочная роль сближает судебное примирение с судебным содействием примирению в смысле статьи 39 ГПК РФ, но при этом сохраняет конфиденциальность и добровольность участия сторон.

В-третьих, финансирование деятельности судебного примирителя осуществляется за счёт федерального бюджета, что отличает данный институт от медиации, где вознаграждение посредника оплачивается сторонами по соглашению. Данное обстоятельство имеет двойственное значение: с одной стороны, оно делает процедуру бесплатной для участников спора и потенциально более доступной; с другой – ограничивает возможности расширения корпуса примирителей ввиду бюджетных ограничений.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии серьёзных организационных препятствий для реализации судебного примирения. Показательным является решение Сузунского районного суда Новосибирской области от 15 января 2025 г. по делу № 2-24/2025 [7]. В рамках рассмотрения спора о сохранении жилого помещения в реконструированном состоянии суд предложил сторонам воспользоваться процедурой судебного примирения, и стороны выразили предварительное согласие. Однако выяснилось, что единственный судебный примиритель, действующий в регионе, был занят в другом процессе. В связи с невозможностью назначить примирителя в разумный срок суд, руководствуясь принципом соблюдения разумных сроков судопроизводства (статья 6.1 ГПК РФ), отказал в удовлетворении ходатайства об отложении разбирательства и рассмотрел дело по существу. Данный казус наглядно демонстрирует дисбаланс между количеством судов и числом примирителей, а также отсутствие гибких процессуальных механизмов, позволяющих синхронизировать сроки судебного разбирательства с временными затратами на поиск свободного примирителя.

К числу актуальных проблем института следует отнести отсутствие единого федерального закона о судебном примирении. Нормы ГПК РФ и Регламент, принятый Верховным Судом РФ, не образуют системного правового регулирования, что порождает неопределённость в отношении многих процедурных вопросов: порядка взаимодействия суда и примирителя, ответственности примирителя за ненадлежащее исполнение обязанностей, правовых последствий уклонения стороны от участия в примирительной процедуре.

Кроме того, вызывает вопросы установленный Регламентом критерий отбора кандидатов в примирители – наличие научной деятельности. Данное требование не имеет прямой корреляции с навыками ведения переговоров и управления конфликтами, необходимыми для эффективного осуществления примирительных функций, и необоснованно сужает круг потенциальных кандидатов из числа опытных судей в отставке [8, с. 48].

Для преодоления выявленных проблем представляется целесообразным принятие специального федерального закона «О судебном примирении в Российской Федерации», который бы комплексно урегулировал правовой статус судебного примирителя, порядок инициирования и проведения процедуры, её сроки, основания и последствия прекращения, а также гарантии конфиденциальности и механизмы взаимодействия с судом. Необходимо расширение корпуса судебных примирителей с обеспечением их равномерного территориального распределения, в том числе путём упрощения критериев отбора (исключение требования о научной деятельности) и введения обязательной программы повышения квалификации в области медиативных технологий для кандидатов. В процессуальном законодательстве следует также предусмотреть возможность продления срока рассмотрения дела на период проведения судебного примирения в пределах разумных временных рамок, что позволит избежать конфликта между задачей примирения и принципом процессуальной экономии.

Таким образом, судебное примирение обладает значительным потенциалом как инструмент снижения конфликтности и судебной нагрузки, однако его реализация сдерживается фрагментарностью правового регулирования и кадровым дефицитом. Устранение указанных недостатков требует не только законодательных изменений, но и активизации информационной работы среди судейского сообщества и участников процесса, направленной на популяризацию примирительных процедур как полноценной альтернативы судебному разбирательству.

Библиографический список использованных источников

1. Верховный суд опубликовал список судебных примирителей. – URL: <https://www.vsrfr.ru/about/info/primirenie/primeriteli/> (дата обращения: 12.04.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
4. Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 5.
5. Об утверждении списка судебных примирителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.
6. Перспективы развития медиации в России // Ассоциация юристов России. – URL: <https://old.alrf.ru/centermediation/перспективы-развития-медиации-в-росс/> (дата обращения: 12.04.2026).
7. Решение № 2-24/2025 2-24/2025(2-580/2024;)-М-520/2024 2-580/2024 М-520/2024 от 15 января 2025 г. по делу № 2-24/2025 Сузунский районный суд (Новосибирская область). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FpbarWKhsalp/> (дата обращения 12.04.2026).
8. Тимофеев Ю.А. Судебное примирение: проблемы и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 3. – С. 44–48.
9. Шибанова С.А. Примирительные процедуры в гражданском процессе // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 294–297.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В ОТНОШЕНИЯХ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Клочкова Анна Сергеевна,

студент 4 курса

ВИУ – филиал ФГБОУ «РАНХиГС»,

г. Волгоград, Россия,

aklochkova04@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам функционирования института врачебной тайны в сфере суррогатного материнства. Автор указывает, что традиционная модель сохранения конфиденциальности является нежизнеспособной в условиях реализации программ вспомогательных репродуктивных технологий, где правоотношения носят многосторонний характер. Исследуется проблема обеспечения конфиденциальности факта рождения.

Ключевые слова: врачебная тайна, вспомогательные репродуктивные технологии, генетические родители, конфиденциальность, медицинская организация, суррогатное материнство, тайна рождения.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MEDICAL SECRECY IN SURROGATE MOTHERHOOD

Klochkova Anna Sergeevna,

fourth year student

VIU – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Volgograd, Russia,
aklochkova04@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problems of the functioning of the institution of medical secrecy in the field of surrogate motherhood. The author points out that the traditional model of maintaining confidentiality is not viable in the context of implementing assisted reproductive technology programs, where legal relations are multilateral. The article explores the issue of ensuring the confidentiality of the birth fact.

Keywords: medical confidentiality, assisted reproductive technologies, genetic parents, privacy, medical organization, surrogate motherhood, birth confidentiality.

Врачебная тайна в соответствии с п.1. ст.13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (далее ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») представляет собой сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении. Ввиду того, что закон не дает четкого определения «иным сведениям», перечень конфиденциальной информации в данной сфере остается открытым. Подобная неопределенность нормативных рамок создает почву для анализа содержания данной правовой категории. Так, Э. М. Алсынбаева пишет: «под иными сведениями надлежит понимать анализы, результаты медицинских исследований, заключения медицинских работников о результатах инструментальных медицинских исследований, а также назначения лечащего врача и медицинские документы. Кроме того, включать в данное понятие также информацию об образе жизни пациента, который может оказывать влияние на состояние его здоровья» [2, с. 2].

В программах суррогатного материнства традиционная модель врачебной тайны между врачом и пациентом, предполагающая строгую конфиденциальность медицинской информации, преобразуется в многостороннюю модель. Данная модель включает генетических родителей, выступающих в роли заказчиков и суррогатную мать, и в этой модели определить границы врачебной тайны представляется затруднительным.

К распространению сведений, составляющих врачебную тайну, как правило, применяют понятие «разглашение». При этом в законодательстве не установлено, что именно понимать под разглашением. Рассматриваемое понятие отличается отсутствием жестких рамок и охватывает как преднамеренные деяния лиц, так и возможное проявление халатности с их стороны. К примеру, если медицинский персонал забирает амбулаторные карты для изучения, но по возвращении в организацию не передает ответственному лицу, а оставляет на рабочем столе, создавая возможность для посторонних лиц ознакомиться с содержащейся в документации информации [4, с. 103].

Законодателем также не установлено время, в течение которого информация, относящаяся к врачебной тайне, считается таковой, однако в ст.13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» указывается на то, кому после смерти гражданина, может разглашаться данная информация и в каких случаях, что свидетельствует о том, что врачебная тайна охраняется бессрочно.

В соответствии с п.9 ст.2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» пациент: «физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния». Суррогатное материнство как было определено ранее, представляет собой разновидность вспомогательных репродуктивных технологий, а п.3. Приказа Минздрава от 31.07.2020 №803н устанавливает, что ВРТ осуществляется в рамках первичной специализированной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи. Таким образом, лица,

обращающиеся в медицинскую организацию для реализации программ суррогатного материнства, являются пациентами.

Суррогатное материнство отводит женщине, вынашивающей ребенка по договору суррогатного материнства роль вспомогательного субъекта. В данном процессе она выступает своеобразным посредником, обеспечивающим реализацию репродуктивных прав, тогда как фактическим пациентом, нуждающимся в преодолении бесплодия, остается генетический родитель - заказчик по договору [1, с. 76]. То есть беременность суррогатной матери выступает ключевым этапом в лечении бесплодия потенциальных родителей - заказчиков по договору. В связи с этим отношения суррогатного материнства связаны с необходимостью постоянного обмена информацией.

Женщина, вынашивающая ребенка в рамках программы суррогатного материнства, также становится пациентом в момент достижения соглашения с потенциальными родителями и медицинской организации, соответственно сведения о состоянии ее здоровья, возможных диагнозах, результатах ее обследования составляют врачебную тайну, разглашать которую запрещено вплоть до уголовной ответственности. В силу того, что функции по вынашиванию и рождению ребенка возложены на суррогатную мать, большая часть защищенной федеральным законодательством медицинской информации относится именно к данному субъекту правоотношений. При этом примечательно, что в процессе заключения договора потенциальные родители запрашивают избыточные данные о здоровье женщины, которая будет вынашивать ребенка и если суррогатная мать отказывается в предоставлении запрашиваемой информации это нередко становится препятствием для достижения соглашения. С другой стороны, генетические родители являются заказчиками услуги и их биологические интересы, в том числе репродуктивные права напрямую зависят от течения беременности суррогатной матери. Любое умолчание, несоблюдение рекомендаций со стороны суррогатной матери несет риск для жизни и здоровья будущего ребенка.

П.4. ст.13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет перечень оснований, когда сведения, составляющие врачебную тайну, могут быть переданы иным лицам. В частности, конфиденциальные сведения о состоянии здоровья передаются родителям или опекунам в ситуациях, связанных с лечением детей или, к примеру, при возникновении угрозы эпидемиологических рисков. Данный перечень состоит из 11 оснований для передачи информации иным лицам и является закрытым. Передачи информации, составляющую врачебную тайну в связи с заключенным договором суррогатного материнства, законодателем не предусмотрено. Тем не менее, раскрытие конфиденциальной информации становится допустимым, если на то получено официальное разрешение, как самого гражданина, так и в ряде случаев его законных представителей. Волеизъявление на раскрытие такой информации необходимо в обязательном порядке устанавливать в письменной форме. Таким образом, разглашение сведений, составляющих врачебную тайну в отношениях суррогатного материнства возможно с письменного согласия лиц, участвующих в программе, выраженное как в информированном добровольном согласии, так и в самом договоре суррогатного материнства.

Необходимость письменного согласия суррогатной матери на разглашение сведений о состоянии ее здоровья, результатах обследования дают данной стороне преимущества, лишая потенциальных родителей возможности узнать в полном объеме необходимую им информацию, соответственно необходимую информацию и о состоянии здоровья своего ребенка. Суррогатная мать может не дать согласие на раскрытие некоторых из аспектов информации, составляющих врачебную тайну, что, например, может быть связано с ее образом жизни или некоторыми аспектами своего здоровья, которые имеют значение для потенциальных родителей, но по медицинским показаниям, не являющимися обязательными для поддержания здоровья женщины, вынашивающей ребенка и плода. В данной ситуации медицинская организация, связанная врачебной тайной, оказывается в противоречивом положении. С одной стороны, сообщив

родителям информацию о состоянии здоровья женщины, без ее согласия, является нарушением ст.13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а с другой стороны, скрыв эту информацию, клиника нарушает условия договора с генетическими родителями и ставит под угрозу реализацию их репродуктивных прав.

В попытках решить данную проблему, в договорах о суррогатном материнстве включается пункт о полном и безусловном отказе суррогатной матери от соблюдения врачебной тайны перед генетическими родителями. С точки зрения гражданского законодательства, такой отказ может быть признан ничтожным, поскольку право на врачебную тайну относится к категории личных неимущественных прав, которые являются неотчуждаемыми и непередаваемыми в соответствии со ст.150 ГК РФ. С другой же стороны проблемы возникают и относительно объема информации о самих генетических родителях, которая доступна суррогатной матери. Например, имеет ли она право знать о наличии у генетических родителей наследственных или иных заболеваний, которые не влияют на состояние ее здоровья или на процесс вынашивания, но значимы для нее. Законодатель не дает ответа и на эти вопросы.

Следующей проблемой является соотношение врачебной тайны и тайны рождения ребенка. В российском праве существует институт тайны усыновления, охраняемый семейным законодательством, а именно ст. 139 СК РФ. В отношении суррогатного материнства аналогичный режим «тайны рождения» законодательно не закреплен в столь императивной форме, что порождает ряд проблем. В отсутствие нормативного закрепления вопросов суррогатного материнства суды при рассмотрении дел руководствуются аналогией закона и аналогией права на основании ст. 5 СК РФ [3, с. 217]. Однако там, где могут быть применены нормы гражданского или семейного законодательства по аналогии, нормы уголовного законодательства применять по аналогии строго запрещено действующим законодательством. Складывается ситуация, где за разглашение тайны усыновления предусмотрена

ответственность вплоть до уголовной, чего нет при сохранении «тайны рождения», которая является не менее важным институтом и разглашение сведений которой влечет не менее серьезные последствия. Как уже было упомянуто ранее, в соответствии со ст.51 СК РФ супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери, записываются родителями ребенка в книге записей рождений. С этого момента они ничем не отличаются от родителей в общепринятом смысле. При этом факт использования программы ВРТ остается в медицинских документах заказчиков и женской консультации. Проблема заключается в том, что доступ к этой информации имеет широкий круг лиц, такие как сотрудники медицинских организаций, органов ЗАГС и другие. Риск случайного или намеренного разглашения информации о способе появления ребенка на свет чрезвычайно высок. В связи с этим необходимо предусмотреть в ФЗ «Об основе охраны здоровья граждан в Российской Федерации» режим тайны суррогатного материнства для защиты частной жизни ребенка и семьи.

Таким образом, было рассмотрено, что представляет собой врачебная тайна в отношении суррогатного материнства и определено, что двуединая модель этого процесса, где один человек вынашивает ребенка для другого, требует отступления от абсолютной анонимности в пользу защиты прав будущего ребенка. Также была определена необходимость создания института тайны происхождения ребенка, по аналогии с институтом тайны усыновления, для решения ряда проблем, которые вызывает отсутствие прямой нормы.

Библиографический список использованных источников

1. Аббасова К.А., Налетова М.М. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства / К.А. Аббасова, М.М. Налетова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы цивилистики. – 2024. – С. 73–79.

2. Алсынбаева Э.М. Понятие и правовое регулирование врачебной тайны в Российской Федерации / Э.М. Алсынбаева. – Текст: непосредственный // Вестник науки и образования. - 2025. - №10 (165)-2. - С. 1-3.
3. Набиуллина В. Р. Тайна суррогатного материнства / В. Р. Набиуллина. – Текст: непосредственный // Matters of Russian and International Law. – 2023. - № 13. – С. 216-221.
4. Феоктистов Д. Е. Теоретические вопросы правового режима сведений, составляющих и не составляющих врачебную тайну / Д. Е. Феоктистов. - Текст: непосредственный // Наука. Общество. Государство. - 2021. - №3 (35). – С. 99-109.

УДК 347.627

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Мельникова Алина Сергеевна,

магистрант 1 курса

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

г. Севастополь, Россия,

alina_biysk@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу ключевых проблем, возникающих в ходе бракоразводного процесса в Российской Федерации, и возможным путям их минимизации. Рассматриваются юридические и процессуальные сложности, включая имущественные споры, определение места жительства детей, раздел долгов, а также ошибки при оформлении документов и несоблюдение процессуальных норм. Особое внимание уделено психологическим аспектам развода, его влиянию на супругов и детей. В работе предлагаются практические рекомендации по снижению негативных последствий бракоразводного процесса, включая использование медиации, юридическое сопровождение и психологическую поддержку.

Ключевые слова: бракоразводный процесс, имущественные споры, медиация, минимизация последствий развода, определение места жительства детей, процессуальные проблемы, психологические аспекты развода, расторжение брака, Семейный кодекс РФ, судебная практика.

KEY PROBLEMS OF DIVORCE PROCEEDINGS AND WAYS TO MINIMIZE THEM

Melnikova Alina Sergeevna,

1st year Master's student

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Sevastopol State University",

Sevastopol, Russia,

alina_biysk@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of key problems arising during the divorce proceedings in the Russian Federation and possible ways to minimize them. The paper examines legal and procedural difficulties, including property disputes, determination of children's residence, division of debts, as well as errors in document processing and non-compliance with procedural norms. Special attention is paid to the psychological aspects of divorce, its impact on spouses and children. The paper offers practical recommendations for reducing the negative consequences of divorce proceedings, including the use of mediation, legal support, and psychological assistance.

Keywords: divorce proceedings, property disputes, mediation, minimizing the consequences of divorce, determination of children's residence, procedural problems, psychological aspects of divorce, divorce, Family Code of the Russian Federation, judicial practice.

Расторжение брака – юридический процесс, при котором брачные отношения между супругами прекращаются в установленном законом порядке. Основания, порядок и последствия расторжения брака регулируются Семейным кодексом РФ.

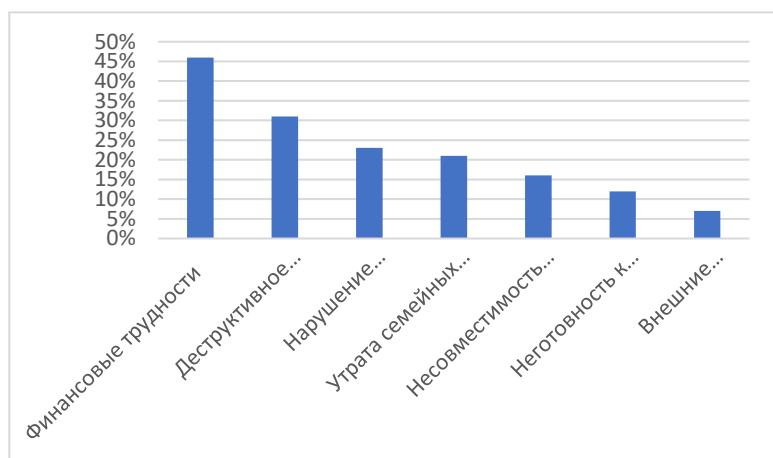
Согласно данным из ЕГР ЗАГС за 2025 год – соотношение браков и разводов равно 10/8, соответственно на 10 заключенных браков приходится 8 разводов [5]. В таблице 1 отражена статистика браков и разводов за последние 5 лет. Как

следствие, можно сделать вывод, что в среднем процентное соотношение составляет 3/2.

Таблица 1 – Статистика браков и разводов за последние 5 лет

Год	Браки, тыс.	Разводы, тыс.
февраль 2025	101 130	78 020
2024	880 026	644 464
2023	945 994	683 638
2022	1 053 884	683 111
2021	923 553	644 207

В 2024 году аналитический центр ВЦИОМ провели опрос среди россиян и

выявили 7 основных причин расторжения браков, которые отражены на графике 2 [4].

График 2 – Основные причины разводов за 2024 год

Все эти причины, так или иначе, порождают большое количество конфликтов. Бракоразводный процесс, как явление, сопряжен с комплексом юридических и психологических проблем.

Юридические проблемы представляют собой сложности, связанные с правовой стороной процесса. Она включает в себя два способа расторжения брака: через органы ЗАГС или в судебном порядке.

Считается, что первый вариант наиболее щадящий и простой для супругов, хотя также имеет свои юридические особенности: расторгнуть брак в ЗАГСе можно только в случае обоюдного согласия супругов и при отсутствии

несовершеннолетних детей. В иных случаях расторжение брака происходит через суд.

Ст. 21 Семейного кодекса РФ регулирует судебный порядок расторжения брака. Как правило, предполагает наличие спорных ситуаций – отсутствие согласия одного из супругов, порядок общения с родителем и место жительства несовершеннолетних детей, а также имущественные споры. Развод влечет прекращение имущественных и личных правовых отношений супругов. Все имущество, приобретаемое супругами с момента вступления в силу судебного решения о разводе, является теперь их отдельной собственностью [1, с. 2].

Имущественные споры – это разногласия, возникающие между супругами, касающиеся права собственности, владения и управления имуществом. К разделяемому имуществу относится все, что приобретено в период брака – недвижимость, движимое имущество, финансовые активы.

Имущественные споры зачастую становятся «камнем преткновения» в судебных разбирательствах бракоразводного процесса, являясь одной из проблем развода. Эти споры самые конфликтные и затяжные, так как фактические обстоятельства расходятся с юридическими нормами.

Данные споры самые сложные и конфликтные в процессе расторжения брака, так как в этом случае пересекаются юридические нормы и практические обстоятельства, один из таких факторов - ликвидность и делимость. Например, исходя из юридических норм, совместно нажитая квартира может быть разделена между супругами, но исходя из практических обстоятельств этого сделать нельзя. Поэтому зачастую, происходит оценка недвижимости и один из супругов, которому присуждается недвижимость, обязан выплатить половину стоимости второму супругу, но для выплаты может не быть свободных средств и на почве этого также возникает или же продолжается эскалация конфликта. К этим же пересечениям норм можно отнести умышленное завышение или занижение стоимости имущества, а также раздел обязательств перед банком, будь это кредит или ипотека.

Также отдельными факторами можно выделить вложения и неосязаемые активы. К первой категории будут относиться ценные бумаги, доли в предприятиях, паи, сложность раздела которых заключается в правильном оформлении и передаче права собственности. К неосязаемым активам можно отнести, например, полноценное содержание семьи – тот элемент, который практически и фактически существует, но юридически его оценить и компенсировать практически нельзя.

Отдельную сложность в бракоразводном процессе вызывают процессуальные проблемы – трудности, возникающие с законодательными нормами и процедурой подготовки и оформления документов. Основанием для возбуждения дела о расторжении брака является подача искового заявления в суд одним из супругов или обоими супругами [1, с. 3]. Следует отметить, что заявление на развод должно отвечать требованиям ст. 131 ГПК. Однако, исходя из судебной практики, можно отметить, что наиболее часто встречающимися процессуальными проблемами являются подготовка всей документации для суда, а также препятствование ответчиком бракоразводному процессу – уклонение от получения повесток, затягивание судебного процесса или же неисполнение решения суда. Бывают и особые случаи, к ним можно отнести специфику разводов с иностранным гражданином, недееспособным/отсутствующим супругом или же бракоразводный процесс в местах ограничения свободы.

И последним большим блоком проблем, которые возникают в ходе бракоразводного процесса можно выделить эмоциональные факторы, которые наиболее сильно влияют на благосостояние каждого из супругов.

Ни для кого не секрет, что процесс расторжения брака приносит, помимо финансовых затрат, еще и психологическое влияние на всех членов семьи, поэтому эмоциональную составляющую можно разделить на две категории.

Первая категория «эмоций» при разводе – «битва из принципа», когда развод уже становится не просто юридическим прекращением отношений, а

продолжением личной войны между супругами. Данный фактор часто проявляется в имущественных спорах, когда оппоненты готовы тратить большие деньги в судах и формировать ложную доказательную базу, с приукрашиванием или выдумыванием каких-либо обстоятельств, преследуя цель «победить» и что-то не отдать бывшему супругу.

Второй категорией являются дети, влияние на них. Родители могут использовать своих чад как «оружие» против друг друга, подговаривая и настраивая ребенка против другой стороны. Это проявляется в судебных процессах об определении места жительства ребенка, когда родители не могут прийти к договоренности. В этом случае суд, руководствуясь законодательством, определяет место жительства ребенка [2].

Но бракоразводный процесс несет за собой не только юридические проблемы и последствия, стоит его также рассмотреть и с психологической стороны. Недостаток навыков управления конфликтами и нежелание искать компромисс – источник негативных эмоций и расторжения брака.

Зачастую, для всех членов семьи расторжение брака становится источником депрессии, возникает чувство потери жизненных сил, возникновение психосоматических заболеваний и т.д. При этом, каждый из них реагирует по-разному на это событие: для детей нарушается привычная домашняя обстановка, в связи с чем, они могут испытывать одиночество и страх, стресс и чувство вины за конфликт родителей. Для женщины расторжение брака равно собственной неудаче, невостребованности, особенно если муж ушел к другой избраннице и обычно эти чувства еще долго не угасают после прекращения отношений. А вот мужчины рассматривают развод, как нарушение привычного образа жизни и потерю контроля, что зачастую провоцирует агрессию или отчаяние [3].

Для минимизации последствий расторжения брака имеются различные способы: с юридической точки зрения, перед началом развода, стоит проконсультироваться с юристом, который поможет качественно подготовить все документы и провести все судебные заседания. Важно помнить, что

судебный процесс длительный и эмоционально трудный, поэтому важно иметь поддержку специалиста, который защитит ваши интересы в суде. Психологический взгляд на минимизацию последствий предполагает так называемое «мирное соглашение», которое формируется, зачастую, до суда или на начальных этапах процесса, во время срока, который суд предоставляет для примирения. Важно контролировать эмоции и действия, возможно обратиться за помощью к психологу.

Но в обоих случаях – юридическом и психологическом, прежде всего необходимо использовать метод медиации для решения конфликта, ведь именно он сократит психологическую нагрузку, а также финансовые траты на бракоразводный процесс.

Медиация – это альтернативный способ урегулирования конфликта с помощью независимого участника - медиатора. ФЗ-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» предполагает и помогает развитию партнерских отношений и создает правовое поле для участия независимой стороны, главная цель которой – помочь достичь взаимоприемлемого решения для обоих супругов и помочь минимизировать и «сгладить» возможные последствия бракоразводного процесса.

Расторжение брака несет за собой эмоциональные последствия для всех членов семьи, поэтому важно учитывать все особенности данного процесса – юридические и психологические. Понимание причин и их последствий, взаимное уважение и мирное разрешение вопросов помогут минимизировать негативные последствия и привести к стабильному эмоциональному состоянию супругов.

Библиографический список использованных источников:

1. Бондарь Е. О., Изутина С. В., Тюрин И. В. Особенности судебного рассмотрения дел о расторжении брака в Российской Федерации // Вестник

- экономической безопасности. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-sudebnogo-rassmotreniya-del-o-rastorzhenii-braka-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 14.12.2025).
2. Процессуальное положение органов опеки и попечительства при рассмотрении судами споров о воспитании детей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 191-194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-polozhenie-organov-opeki-i-popechitelstva-pri-rassmotrenii-sudami-sporov-o-vospitanii-detey/viewer> (дата обращения: 14.12.2025).
3. Психологические аспекты развода [Электронный ресурс] // Suvorov Legal : [сайт]. – URL: <https://suvorov.legal/psihologicheskie-aspekty-razvoda/> (дата обращения: 14.12.2025).
4. Разводы в России: мониторинг [Электронный ресурс] : аналитический обзор ВЦИОМ. – М., 2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 14.12.2025).
5. Трофимов К. Браки и разводы в России: статистика 2021–2025 гг. // gogov.ru : [сайт]. – 2025. – 18 февраля. – URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce> (дата обращения: 14.12.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ САМООБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ ОТ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РОССИИ: СРАВНЕНИЕ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ (КАЗАХСТАН, БЕЛАРУСЬ), АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ О САМООБОРОНЕ В РФ

Глухова Карина Сергеевна,

студентка 3 курса,

ФГБОУ ВО «ЮГУ»,

г. Ханты-Мансийск, Россия

ggrkss@mail.ru

Мацагова Мадина Руслановна,

студентка 3 курса,

АНО ВО «Синергия»,

г. Москва, Россия,

madmats95@mail.ru

Научный руководитель:

Смирнов Кирилл Вячеславович,

преподаватель Высшей школы права,

Югорский государственный университет,

г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация: В статье авторы рассмотрели проблемы разграничения необходимой обороны и действий, совершаемых в условиях домашнего насилия. Предмет исследования: нормы уголовного законодательства, касающиеся квалификации необходимой обороны и домашнего насилия. Проводится

сравнительный анализ правовой основы защиты от домашнего насилия в Российской Федерации и в таких странах, как Казахстан и Беларусь. Статья затрагивает острую проблему, отчасти демонстрируя недостатки российского законодательства в отсутствии системного подхода к данному аспекту защиты.

Ключевые слова: анализ, Беларусь, домашнее насилие, законодательство, Казахстан, необходимая оборона, Российская Федерация, самозащита, Уголовный кодекс.

**LEGAL ASPECTS OF SELF-DEFENSE IN PROTECTION FROM
DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA: COMPARISON WITH FOREIGN
COUNTRIES (KAZAKHSTAN, BELARUS), ANALYSIS OF PROVISIONS
ON SELF-DEFENSE IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Glukhova Karina Sergeevna,

3rd year student,

Yugra State University,

Khanty-Mansiysk, Russia,

ggrkss@mail.ru

Matsagova Madina Ruslanovna,

3rd year student,

Synergy University,

Moscow, Russia,

madmats95@mail.ru

Scientific supervisor:

Smirnov Kirill Vyacheslavovich,

Lecturer at the Higher School of Law,

Yugra State University,

Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract: The article examines the problems of distinguishing necessary defense from actions taken in the context of domestic violence. The subject of the study is the norms of criminal law concerning the qualification of necessary defense and domestic violence. A comparative analysis of the legal framework for protection against domestic violence in Russia, Kazakhstan and Belarus is carried out. The article addresses an acute problem, demonstrating the shortcomings of Russian legislation due to the lack of a systematic approach to this aspect of protection.

Keywords: analysis, Belarus, criminal code, domestic violence, Kazakhstan, necessary defense, Russian Federation, self-defense, legislation.

Домашнее насилие представляет собой одну из наиболее актуальных социальных проблем нашего времени, а в особенности нашей страны, ведь оно влияет не только на отдельные судьбы, но и на семьи, сообщества и порядковый строй государства в целом. В условиях домашнего насилия вопросы необходимой обороны становятся особенно важными, поскольку жертвы часто сталкиваются с ограничениями в доступе к правосудию и защите. В этой статье мы проанализируем правовые аспекты необходимой обороны в России и сравним их с законодательством Казахстана и Беларуси, показав различия в развитии института защиты от насилия на примере последних событий в выбранных нами странах.

В Российской Федерации основные правовые нормы и положения, касающиеся необходимой обороны, регулируются Уголовным кодексом (УК) РФ [9]. Необходимая оборона допустима в тех случаях, когда лицо защищает свои или чужие права от общественно опасного деяния (ст. 37 УК РФ) [9]. При этом домашнее насилие как таковое не выделено в отдельный состав преступления. Важнейшим аспектом при этом является то, что нужно учитывать принцип соразмерности: действия, направленные на оборону, должны соответствовать характеру и степени угрозы. По мнению Боева, именно размытость границ допустимой самообороны чаще всего затрудняет

квалификацию действий жертв именно в семейно-бытовых конфликтах, тогда как в иных ситуациях эта проблема выражена слабее [1, с. 176].

Эта строгая формулировка создает проблемы для жертв домашнего насилия. Ведь законодательство нашей страны требует, чтобы необходимая оборона не выходила за рамки, необходимые для защитных действий. В условиях эмоционального напряжения и физической опасности сложно определить адекватный уровень ответных мер.

В российском законодательстве выделены такие статьи, способствующие обеспечению защиты прав людей, которые могут быть подвержены насилию:

Статья 22 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [3].

Статья 117 УК РФ «Истязание» (добавлено название статьи): «Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса, - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок, либо арестом на срок от трех до шести месяцев» [9].

На практике нередко возникают ситуации, когда жертвы домашнего насилия становятся обвиняемыми в превышении границ необходимой самообороны, что может привести к уголовной ответственности. Это создает дополнительные трудности для пострадавших, вынуждая их оставаться в насильственных отношениях или избегать обращения в правоохранительные органы.

В Республике Казахстан необходимая оборона регулируется статьёй 32 Уголовного кодекса РК, которая допускает применение силы при посягательстве на жизнь, здоровье, права и законные интересы обороняющегося или другого лица. Казахское законодательство содержит более детальное описание условий правомерности необходимой обороны по сравнению с российским.

Кроме того, в 2024 году был принят Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» (вступил в силу 15 апреля 2024 года) [6], который криминализировал умышленное причинение лёгкого вреда здоровью и побои, а также усилил наказание за средний и тяжкий вред.

Хотим упомянуть о ситуации, которая произошла 9 ноября 2023 года в Казахстане. Болат Бишимбаев, экс-министр экономики Казахстана, запомнился не только своей «блестящей карьерой», но и трагической гибелью его супруги Салтанат Нукуновой. Согласно материалам уголовного дела, он совершил убийство своей жены, что вызвало широкий общественный резонанс и обсуждение темы бытового насилия в стране. После этих событий власти инициировали ужесточение законодательства, что привело к принятию Закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия», вступившего в силу 15 апреля 2024 года [6]. Этот закон направлен на защиту жертв насилия и борьбу с преступлениями в семье, подчеркивая важность защиты прав женщин и детей. Как отмечает С.М. Рахметов, после введения закона количество обращений о бытовом насилии снизилось на 26% [8, с. 5]. В данном законе также криминализированы умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои; ужесточена ответственность за умышленное причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью; предусмотрены новые принципы брачно-семейного законодательства, основанные на укреплении института брака и семьи, отцовства, материнства и детства, а также принцип обеспечения нравственного и духовного воспитания детей в духе уважения к общечеловеческим, национальным, традиционным, культурным и семейным ценностям [6]. Трагедия в семье Бишимбаева стала символом более широких социальных проблем и необходимости реформ в юриспруденции, касающихся насилия в семье.

Сравнивая с Беларусью, следует отметить, что в Республике Беларусь отсутствует отдельный специализированный закон о домашнем насилии. Однако вопросы предотвращения домашнего насилия регулируются Законом

Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (№ 122-3 от 4 января 2014 года, с изменениями и дополнениями) [5]. Этот закон впервые на законодательном уровне закрепил понятие «домашнее насилие» (ст. 1) и предусмотрел такие меры, как защитные предписания, официальное предупреждение о недопустимости противоправного поведения, а также обязанность прохождения профилактической программы для агрессоров. Важно отметить, что закон не освобождает жертв от уголовной ответственности за умышленное причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, но создаёт правовые и организационные механизмы, позволяющие пострадавшим обращаться за защитой без страха вторичной виктимизации (например, выдача защитного предписания, временное направление в кризисную комнату, психологическая помощь). Благодаря этому жертвы домашнего насилия в Беларуси чувствуют себя более защищёнными и чаще обращаются в правоохранительные органы. Как и в случае с Казахстаном, можно сделать вывод, что белорусская система правосудия демонстрирует более гибкий подход, учитывающий конкретные обстоятельства, при которых жертва применила необходимую оборону (хотя юридические критерии самой обороны регулируются Уголовным кодексом).

Дело сестёр Хачатурян, которое произошло 27 июля 2018 года, стало знаковым в контексте необходимой обороны и насилия в семье в России. Сёстры Хачатурян (Ангелина, Мария и Кристина) на протяжении нескольких лет подвергались систематическим издевательствам со стороны отца. В судебном заседании они пояснили, что пошли на крайние меры, поскольку опасались за свою жизнь – регулярные побои и унижения создавали реальную угрозу. Однако, в отличие от распространённого мнения, сёстры не были оправданы судом на основании необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) [9]. В действительности: в отношении Ангелины Хачатурян уголовное дело прекращено в связи с примирением сторон, Мария и Кристина Хачатурян признаны виновными в приготовлении к убийству (ч. 1 ст. 105 УК РФ) [9] и осуждены условно. Тем не

менее это дело привлекло широкое общественное внимание и стало одним из немногих случаев, когда потерпевшие, применившие уголовно наказуемые способы защиты, избежали реального лишения свободы благодаря общественному резонансу.

Но, по нашему мнению, то, что сёстры Хачатурян не были осуждены реально, — это скорее исключение, вызванное массовой поддержкой, а не закономерность. Большинство жертв домашнего насилия в нашей стране в случае применения ответного насилия подвергаются уголовному преследованию и реальным срокам, а некоторые из них молчат, поскольку законодательство не гарантирует привлечения к ответственности лиц, нанесших им вред, особенно при длительном психологическом и физическом насилии, которое трудно доказать. Проведя анализ положений о необходимой обороне в Российской Федерации, можно выделить нечёткость в определении момента «непосредственного нападения» и, как следствие, сложность применения права на необходимую оборону при длительном (длящемся) насилии. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 [7] не устраняют этих противоречий в ситуациях длительного бытового насилия.

К аналогичному выводу приходят Наумов, Павленко и Иваничева, указывая на необходимость учёта психологического состояния жертвы [4, с. 80–81].

Мы считаем, что в Российской Федерации недостаточная правовая защита жертв домашнего насилия. Актуальность совершенствования законодательства подтверждается, в частности, законодательной инициативой депутата Горячевой, предложившей смягчить наказание для жертв домашнего насилия, действовавших в состоянии необходимой обороны [2]. Необходимо улучшить законодательство с целью снижения рисков для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности при использовании необходимой обороны. В особенности предлагаем:

Ввести в УК РФ отдельную статью (например, ст. 116.2 «Бытовое насилие»), классифицирующую домашнее насилие как самостоятельное

преступление, а также предусматривающую в примечании, что при оценке действий жертвы в состоянии необходимой обороны учитываются длительность и систематичность насилия со стороны посягающего.

Изменить формулировку ст. 37 УК РФ, [9] а именно – дополнить её примечанием: «При длительном систематическом насилии, создающем реальную угрозу жизни и здоровью обороняющегося, необходимая оборона признаётся правомерной даже при отсутствии непосредственного нападения в момент защиты, если имелась реальная опасность его возобновления». Это позволит учитывать фактор продолжительного (длящегося) насилия.

Усилить правовые гарантии для лиц, подвергающихся домашнему насилию, в частности – ввести на уровне федерального закона институт защитного предписания (по аналогии с Беларусью [5] и Казахстаном [6]), а также обеспечить пострадавшим бесплатный доступ к кризисным центрам и юридической помощи.

Ввести в Уголовный кодекс РФ статью о преследовании (сталкинге), например, ст. 128.2 «Преследование лица, пострадавшего от домашнего насилия, после освобождения виновного из мест лишения свободы или после отбытия наказания». Поскольку даже при реальном лишении свободы возможно условно-досрочное освобождение, существует вероятность, что преступник после выхода на свободу попытается вновь найти жертву и совершить в отношении неё насильственные действия. Установление уголовной ответственности за такое преследование позволит своевременно защитить потерпевшую. Право на необходимую оборону (самозащиту) является важным инструментом защиты от домашнего насилия. Однако законодательство России имеет недостатки, которые были проанализированы в данной статье, а также предложены пути решения проблемы бытового насилия. Сравнение с законодательством других стран позволяет сделать вывод, что в Казахстане и Беларуси применяются более развитые механизмы защиты жертв домашнего насилия (защитные предписания, кризисные комнаты, специализированные

законы). В связи с этим необходимо усилить правовые гарантии для потерпевших в российском законодательстве и разработать специальные программы помощи для них.

Кроме того, на основе изученной темы авторами выявлена проблема предупреждения рецидива преступлений, связанных с домашним насилием (в частности, после освобождения агрессора из мест лишения свободы или после отбытия им иного наказания).

Библиографический список использованных источников

1. Боев Д.В. Право на необходимую оборону при домашнем насилии // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 174–180. – URL: <https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/629279> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Депутат Горячева предложила смягчить наказания защищавшимся жертвам домашнего насилия // Москва 24. – 2025. – 29 апреля. – URL: <https://www.m24.ru/news/politika/29042025/793121> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Наумов Д.М., Павленко А.А., Иваничева Е.Д. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2024. – Т. 10. – № 1 (25). – С. 75–86. – URL: <https://www.nxtjournal.ru/jour/article/view/463> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-3 (ред. от 30.12.2025). –

URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400122> (дата обращения: 30.04.2026).

6. О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 14.04.2024 № 112-VII ЗРК // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000112> (дата обращения: 30.04.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_10/activity/legal-education/explain/e136089/ (дата обращения: 30.04.2026).

8. Рахметов С.М. Предупреждение семейно-бытового насилия в Республике Казахстан / Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан. – 2025. – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33785673 (дата обращения: 30.04.2026).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/> (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 343

**ПРИРОДА И ПРИЗНАКИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С
ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Смирнова Полина Евгеньевна,

студент 4 курса

СПбПУ,

г. Санкт-Петербург, Россия,

smirnovapolinessa@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость унификации терминологии в сфере деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и перехода от реактивной модели противодействия к проактивной парадигме. В отличие от большинства работ, фокусирующихся на отдельных составах преступлений или технических аспектах расследования, автором комплексно анализируются терминологические противоречия, криминологический портрет преступника, технологии анонимизации и организационные пробелы правоохранительной деятельности. Новизна заключается в выявлении фундаментального дисбаланса между разрозненными действиями МВД, банков и операторов и транснациональными схемами злоумышленников, а также в обосновании необходимости чёткой ответственности операторов и законодательного закрепления дефиниции киберпреступлений.

Ключевые слова: анонимизация, информационно-коммуникационные технологии, киберпреступность, компьютерные преступления, криминалистическая модель, проактивная парадигма, цифровая трансформация.

THE NATURE AND CHARACTERISTICS OF ACTS COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Polina Evgenievna Smirnova,

fourth-year student

SPbPU,

St. Petersburg, Russia,

smirnovapolinessa@mail.ru

Abstract: This article substantiates the need for unified terminology in the area of crimes committed using information and communications technologies and a transition from a reactive model of counteraction to a proactive paradigm. Unlike most studies, which focus on individual crimes or technical aspects of investigation, the author comprehensively analyzes terminological inconsistencies, the criminological profile of the offender, anonymization technologies, and organizational gaps in law enforcement. The novelty lies in identifying a fundamental imbalance between the disparate actions of the Ministry of Internal Affairs, banks, and operators and the transnational schemes of criminals, as well as in justifying the need for clear liability for operators and legislatively enshrining the definition of cybercrime.

Keywords: anonymization, information and communications technology, cybercrime, computer crime, forensic model, proactive paradigm, digital transformation.

Уголовно-правовая доктрина чётко различает следующие понятия: «компьютерные преступления» направлены на данные самих машин, «информационные преступления» не связаны с конкретными технологиями, «интернет-преступления» существуют только в сетевой среде, а «киберпреступления» охватывают всё киберпространство в целом. Термин «преступления с использованием ИКТ», синонимичный киберпреступлениям,

включает в себя положения главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации с модифицированными версиями традиционных составов правонарушений [10].

Организованные группы здесь характеризуются строгой иерархией, транснациональной координацией и монетизацией посредством сложных схем, даже с использованием криптовалют или вредоносных сетей. Такая терминология систематизирует науку, унифицирует подходы и требует единого определения в российском законодательстве. На наш взгляд, неоднозначность понятий перед лицом трансграничных угроз лишь расширяет пробелы в правоохранительной деятельности, и гармонизация терминологии сможет способствовать повышению превентивности характера регулирования и ускорит реагирование правоохранительных органов.

По данным В.А. Колокольцева, интернет и гаджеты стали основной ареной для мошенничеств по статье 159 УК РФ, краж с карт и банковских переводов. Министерство внутренних дел добилось снижения статистики: на 8% меньше стало краж со счетов и на 60% меньше атак на платежи в сравнении с 2020 годом. Однако преступники продолжают действовать, опережая обновления статей 272-274.1 УК РФ.

На расширенном совещании коллегии МВД России В.В. Путин указал на уязвимость пенсионеров, многодетных семей и людей с инвалидностью в сложившейся ситуации [7]. Эти группы больше всего страдают от морального разложения тех, кто наживается на доверии и технологической зависимости. Подобные атаки подрывают основы цифровой экономики и приводят к выводу о том, что необходима не лоскутная работа со стороны МВД, банков и операторов, а реальная координация всех вышеупомянутых звеньев.

На наш взгляд, сложившийся дисбаланс отражает фундаментальный кризис. Реактивная модель МВД с его разрозненными IT-подразделениями бессильна против автономных схем преступников, которые в эпоху трансформаций становятся всё возрастающей угрозой для страны. Без превентивной доктрины – «единого окна», чёткой ответственности операторов и

более строгих правил – киберпреступления будут расти и подрывать информационный суверенитет. Необходим переход к проактивной парадигме: технологии должны опережать преступников и интегрировать международный опыт для систематической защиты граждан.

Широкое внедрение ИКТ во всех сферах деятельности требует новых подходов к расследованию, в которых центральное место занимают модели информационно-компьютерной криминалистики [9, с. 193]. Предметом этой теории являются общие законы построения моделей преступлений на основе корреляций между комбинациями IT-технологий (независимо от способов, используемых злоумышленниками) и следами цифровых остатков, включая навыки обеих сторон. Прослеживается тенденция в том, что уровень подготовки преступника напрямую зависит от компьютерной грамотности жертвы.

Преступления, связанные с обработкой защищенной информации, представляют собой умышленные действия, нарушающие общественные отношения в сфере охраны информации ограниченного доступа [8, с. 20]. Ключевым условием является принятие владельцем мер по её защите, а также регулирование статуса информации Конституцией Российской Федерации или федеральными законами. Классификация данных преступлений включает в себя кражу путём несанкционированного доступа, квалифицированные составы правонарушений, хищение средств с использованием данных и другие действия из Специальной части УК РФ. В них информация выступает или предметом преступного посягательства, или способом совершения преступлений.

Анализ показывает доминирование мобильного вредоносного программного обеспечения, используемого при совершении преступлений [6, с. 111]. В каждом десятом случае речь идёт о взломе устройств, аккаунтов в социальных сетях, электронной почты, кредитных карт или фишинге. В свою очередь, DDoS-атаки редки и составляют всего лишь 4% исследуемых случаев. Динамика имеет крайне неблагоприятный характер, так как абсолютное число преступлений за рассматриваемый период увеличилось в 40 раз, составив 25%

от всех эпизодов, более половины из них связаны с интернетом. Главным фактором является рост хищений средств с использованием ИКТ-технологий, достигая 80,4%. Статистика указывает на качественное изменение: акцент смещается с громких атак на инфраструктуру на скрытые кражи. Злоумышленники нацелены на самые широкие и слабые точки защиты – пользователей мобильных устройств, чья цифровая грамотность не успевает за развитием технологий, подтверждая слова Президента Российской Федерации.

Исследование личностей преступников, действующих в сфере распространения юридически защищённой информации, позволило выявить ряд характерных черт [2, с. 184]. Подавляющее большинство правонарушителей — мужчины, преимущественно молодые люди в возрасте от 19 до 24 лет. Практически 65% из них имеют высшее или среднее образование. Каждый пятый осуждённый зарегистрирован как студент или школьник, 10% работают программистами. Более половины из них были вовлечены в компьютерные технологии в рамках учёбы или работы, и около 80% обвиняемых обладали достаточными знаниями в области информационных технологий. Такие преступники, как правило, проживают в крупных городах, чаще всего в региональных центрах Российской Федерации. Многие из них осознавали непосредственную ответственность за свои действия.

Преступники в целях минимизации своего цифрового следа используют различные технологии анонимизации [1, с. 223]. Основными инструментами здесь являются прокси-серверы в качестве посредников, VPN для зашифрованных каналов, SSH-туннели для защищённых соединений в ненадёжных сетях, выделенное физическое оборудование и «луковая» маршрутизация с многократным шифрованием данных. Эти методы работают по отдельности или в комбинации, создавая высокий уровень секретности.

Наибольшую опасность представляет даркнет, доступ к которому обеспечивается выделенными браузерами с «луковыми» маршрутизаторами для анонимного обмена информацией. Здесь процветает торговля оружием и

боеприпасами, наркотиками, персональными данными компаний и частных лиц, а также фальшивыми деньгами. Широко распространена и пропаганда террористической и экстремистской идеологии. В первой половине 2024 года Россия возглавила рейтинг активности коммерческих хостингов баз данных на таких ресурсах [4].

Для корректной организации расследования компьютерного преступления необходимо сформировать следственную группу из следователя, сотрудников Бюро специальных технических мероприятий МВД и полиции, а также IT-специалистов, которые должны работать рука об руку для достижения общей цели [3, с. 85]. При расследовании несанкционированного доступа к данным важно установить сам взлом, время и место инцидента, а также использованные методы и уровень безопасности системы. Доказать вину значительно упрощают журналы активности пользователей, так называемые «лог-файлы», в которых фиксируется каждое действие под конкретным именем пользователя, кроме того видеозаписи с камер видеонаблюдения, таблицы учёта рабочего времени и показания свидетелей.

Е.П. Ищенко заложил основы алгоритмического расследования, став пионером в описании электронных следов в учебниках по криминалистике [5, с. 14]. Следственная практика неумолима и подтверждает такой тезис: чем сложнее техническое проникновение в систему или сеть, тем легче идентифицировать подозреваемого из-за узкого круга лиц, обладающих необходимой квалификацией. Цифровизация позволяет накапливать огромные объёмы криминалистически значимых данных и создавать цифровые модели, идеально подходящие для работы в цифровой среде.

Подводя итог исследованию характеристики преступлений с использованием ИКТ, мы приходим к выводу о том, что цифровая трансформация российского общества вынуждает его перестраивать методы расследования. Необходимы новые модели, основанные на криминалистических алгоритмах, выявляющих закономерности подготовки и сокрытия преступлений.

Число преступлений растет экспоненциально, акцент смещается на кражу денег у пользователей мобильных устройств с помощью вредоносного ПО и инструментов анонимизации. К сожалению, это не просто статистика, и качественная трансформация всей системы больше и больше заявляет о себе. Чётко вырисовывается портрет «информационного вора», что говорит о неэффективности ныне существующих превентивных мер и необходимости изменения подходов противодействия сложившейся ситуации.

Указ Президента Российской Федерации о приоритетах до 2030 года диктует переход от реактивного реагирования к проактивной парадигме. Необходимо стандартизировать концептуальные рамки уголовного законодательства, установить межведомственную координацию и последовательно повышать цифровую грамотность граждан [11]. Только сочетание правовых, технических и виктимологических мер может защитить отдельных лиц, общество и государство от киберугроз в эпоху цифровой трансформации. Без них национальные приоритеты останутся лишь словами на бумаге и не воплотятся в жизнь.

Библиографический список использованных источников

1. Алейников Д. П. Современные технологии анонимизации в сети Интернет / Д. П. Алейников, А. В. Зык // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 223–224.
2. Белова К. С. Особенности расследования неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) / К. С. Белова, А. С. Горденко, А. Р. Сысенко // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 4 (24). – С. 183–188.
3. Гайнельзянова В. Р. Особенности взаимодействия служб при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации / В. Р. Гайнельзянова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 3. – С. 85–86.
4. Годовой отчет 2024 // Positive Technologies. – 2024. – URL: <https://ar2024.ptsecurity.com> (дата обращения: 15.02.2026).

5. Грибунов О. П. Концептуальные идеи профессора Е. П. Ищенко в криминалистической науке / О. П. Грибунов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 11–18.
6. Коломинов В. В. Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В. В. Коломинов, В. А. Родивилина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 1. – С. 110–120.
7. Расширенное заседание коллегии МВД России // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – 2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67795>(дата обращения: 24.02.2026).
8. Родивилин И.П. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям в сфере обращения охраняемой законом информации: автореф. дис. канд.юрид.наук. Новосибирск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 28 с.
9. Россинская Е. Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений / Е. Р. Россинская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2 (97). – С. 190–200.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: офиц. текст по состоянию на 15.02.2026 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 272.
11. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Российская газета. – 12.05.2017. – № 102.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК: 343.985

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБНАРУЖЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ СЛЕДОВ

Анисимова Милена Олеговна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

milyaanisimova.9@gmail.com

Терентьева Алёна Владимировна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

terentieva.4@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена трансформации терроризма как социально-правового явления в условиях цифровизации общественных отношений и активного использования террористическими организациями информационно-коммуникационных технологий. Особое внимание уделяется криминалистической категории «виртуальный (цифровой) след». Отдельно рассматриваются современные методы противодействия расследованию, используемые террористами (VPN, Tor, прокси-серверы, стеганография), и предлагаются пути адаптации криминалистических методик - сотрудничество с

провайдерами, развитие международного взаимодействия и применение стеганоанализа.

Ключевые слова: виртуальные следы, информационно-коммуникационные технологии, криминалистика, противодействие терроризму, прокси-сервер, стеганография, стеганоанализ, цифровой терроризм, VPN, Tor.

**DIGITAL TRANSFORMATION OF TERRORISM: CRIMINALISTICS
AND CRIMINAL PROCEDURE ISSUES OF DETECTING AND
DOCUMENTING VIRTUAL TRACES.**

Anisimova Milena Olegovna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

milyaanisimova.9@gmail.com

Terentyeva Alyona Vladimirovna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

terentieva.4@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the transformation of terrorism as a socio-legal phenomenon in the context of the digitalization of social relations and the active use of information and communication technologies by terrorist organizations. Special attention is paid to the forensic category of "virtual (digital) trace." The article also discusses modern methods of countering investigation used by terrorists (VPN, Tor, proxy servers, and steganography), and suggests ways to adapt forensic methods, such as cooperation with providers, development of international cooperation, and the use of steganography.

Keywords: virtual traces, information and communication technologies, forensics, counter-terrorism, proxy server, steganography, steganalysis, digital terrorism.VPN, Tor.

Терроризм как социально-правовое явление уже не первый год претерпевает трансформацию, обусловленную стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и повсеместной цифровизацией общественных отношений. Если на протяжении большей части XX и начала XXI века террористическая деятельность была преимущественно сопряжена с физическим насилием и непосредственным присутствием исполнителей на месте совершения преступления, то в настоящее время она всё больше перемещается в цифровое пространство, порождая принципиально новые механизмы совершения преступлений, координации деятельности и распространения экстремистской идеологии. Цифровая среда открыла перед террористами новые возможности: анонимная коммуникация посредством зашифрованных мессенджеров, дистанционная вербовка через социальные сети, финансирование противоправной деятельности с использованием криптовалют и иных инструментов, затрудняющих, а порой и вовсе исключающих финансовый контроль.

Согласно п. 18 Указа Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» в настоящее время экстремистские и иные антиобщественные организации используют информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», мультимедийные и онлайн-технологии для вербовки новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии, а также финансирования экстремистской деятельности [9]. Как отмечал заместитель секретаря Совета Безопасности РФ: «Имеющаяся в киберпространстве общедоступная информация делает интернет ключевым инструментом планирования и подготовки террористических актов. В том числе

это касается определения потенциальной цели нападения, сбора о ней необходимых сведений, установления наиболее уязвимых мест, выбора эффективных средств и методов поражения, приобретения необходимых товаров и услуг» [5]. По данным Национального антитеррористического комитета РФ, в настоящее время в мире действует около 5 тысяч интернет-сайтов, активно используемых террористами. Число порталов, обслуживающих террористов и их сторонников, постоянно растёт. В 2023 году в сети интернет удалено свыше 15,5 тыс. материалов террористического содержания; заблокированы счета более 4 тыс. лиц. С начала специальной военной операции предотвращено 419 террористических преступлений, которые готовили лица, завербованные через интернет международными террористическими организациями и украинскими спецслужбами [4]. С 2019 года Роскомнадзор заблокировал 67 тысяч и удалил 334 тысячи террористических материалов в интернете; с января по начало декабря 2024 года было предотвращено 190 террористических актов, задержано более 1700 преступников и их пособников [8].

Как считают А.И. Бастрыкин и Е.Е. Центрова, успех при раскрытии преступлений во многом зависит от того, насколько полно и всесторонне удалось выявить, зафиксировать, изъять и изучить следы, отражающие обстоятельства совершения преступления [7]. Категория «след» в традиционном криминалистическом понимании охватывает материально зафиксированные отображения внешнего строения одного объекта на поверхности другого, возникающие в результате механического взаимодействия в процессе совершения преступления [1, с. 86]. Однако усложнение социальных отношений и развитие информационных технологий обусловили необходимость расширения этой категории за счет включения в нее следов нового вида – виртуальных.

Под виртуальными (цифровыми) следами в криминалистике понимаются электронные сигналы и цифровые образы, остающиеся в памяти электронно-вычислительных и смежных с ними устройств, формируемые и передаваемые с

помощью заданного программного алгоритма и имеющие значение для расследования уголовного дела [2, с. 353]. В отличие от традиционных следов, они не имеют пространственной локализации в физическом смысле, однако в полной мере соответствуют криминалистическому критерию информативности: содержат сведения о механизме преступного деяния, его участниках и обстоятельствах совершения.

В случае с преступлениями террористической направленности этот вид следов приобретает особое доказательственное значение, поскольку именно цифровая среда является основным пространством для подготовки, организации и координации террористической деятельности. Специфика таких следов заключается в их высокой латентности и скорости исчезновения.

На практике можно выделить несколько видов проявления цифровых следов. Например, динамические виртуальные следы. Это автоматически генерируемые системно-технические данные, сопровождающие любое информационное взаимодействие в телекоммуникационных сетях и фиксирующие параметры этого взаимодействия независимо от его содержания. Вторым видом цифровых следов можно выделить финансовые цифровые следы, которые образуются в результате движения денежных средств, используемых для финансирования террористической деятельности, и представляют собой электронные записи о платежных операциях, сохраняемые в информационных системах операторов платежных услуг, кредитных организаций.

Также к видам цифровых следов относятся статические следы, под которыми следует понимать единицы цифровой информации, зафиксированные на электронных носителях в неизменном виде на момент обнаружения и непосредственно отражающие содержательную сторону преступной деятельности. К данной группе относятся: текстовые, графические, аудио- и видеофайлы пропагандистского и вербовочного характера; инструкции по изготовлению самодельных взрывных устройств; а также массивы переписок, осуществлявшихся через мессенджеры с функцией сквозного шифрования.

Криминалистическая значимость данной группы следов обусловлена прежде всего их доказательственной ценностью. Они указывают на умысел, направленность деятельности, распределение ролей между участниками преступной группы и характер деяния. В то же время именно статические следы наиболее уязвимы с точки зрения уничтожения и фальсификации. Проявляется это в использовании функций автоматического удаления переписки, шифрования хранимых данных, а также стеганографических методов сокрытия информации, которые существенно затрудняют их обнаружение и извлечение.

Усложнение методов сокрытия коммуникаций, использование средств криптографии (VPN, Tor, прокси), стеганографии для маскировки коммуникаций вызывает необходимость адаптации криминалистических методик в целях преодоления противодействия расследованию. Новые технологии создают серьезные вызовы для правоохранительных органов, поскольку отличаются особой маскировкой следов преступной деятельности.

В первую очередь следует отметить роль VPN (Virtual Private Network) и прокси-серверов, которые маскируют IP-адрес пользователя, перенаправляя трафик через удалённые серверы. Tor (The Onion Router) обеспечивает высокий уровень анонимности за счёт многоуровневого шифрования и маршрутизации трафика через сеть узлов. Прокси-сервер (proxy server) действует как посредник, позволяющий взаимодействовать между сетью Интернет и устройством пользователя. При взаимодействии пользователя с веб-страницей или интернет-ресурсом прокси-сервер передает запрос от его имени, маскируя оригинальный IP-адрес. Перенаправляющий трафик сервера обеспечивает анонимность, кэширует контент и контролирует доступ к определенным веб-сайтам [3, с. 190]. Адаптация криминалистических методик в данном случае авторам видится в сотрудничестве с интернет-провайдерами и хостинг-провайдерами. Такое сотрудничество должно осуществляться путем получения данных о трафике, логинах, временных метках, что может помочь в расследовании, даже если непосредственный доступ к содержимому сообщений ограничен. Кроме того, в

настоящее время должно активно развиваться международное сотрудничество в данной сфере. Связано это прежде всего с тем, что многие VPN-провайдеры расположены за рубежом. Важно развивать механизмы обмена данными между странами, включая запросы о предоставлении информации.

Что касается стеганографии, то это метод сокрытия информации внутри других объектов (изображений, аудио-, видеофайлов, текстовых документов) так, чтобы сам факт наличия скрытой информации был незаметен. Стеганография скрывает сам факт отправки послания или файла от неавторизованного пользователя. Стеганографию используют наряду с шифрованием. Так, существуют различные методы, позволяющие скрыть файл, однако популярнейшим является метод, скрывающий сообщения в компьютерных файлах (контейнерах). Секретная информация вставляется, например, в текстовый файл, в файлы изображения или даже в часть IP-пакетов. Противодействие такому способу сокрытия информации оказывает стеганоанализ - специальный раздел, посвящённый выявлению скрытых сообщений. Включает сигнатурные методы (поиск уникальных последовательностей бит), с помощью алгоритмов сжатия и статистические методы (оценка вероятности существования стеганографического вложения с неизвестной или известной стеганосистемой) [6, с. 88]. К тому же, при подозрении на использование стеганографии назначается компьютерная экспертиза с привлечением специалистов в этой области.

Подводя итог, следует сказать, что терроризм как социально-правовое явление претерпел кардинальную трансформацию, в частности цифровую. В настоящее время серьезное доказательственное значение приобретают виртуальные следы, которые обладают высокой анонимностью, в связи с чем порождается необходимость адаптации криминалистических методик к современным реалиям. Совершенствование криминалистических подходов к работе с цифровыми следами способно обеспечить необходимый уровень противодействия угрозам терроризма в условиях цифровой эпохи.

Библиографический список использованных источников

1. Абрамова А.А. Значение виртуальных следов в расследовании финансирования терроризма // Общество: политика, экономика, право. №4. 2017. С. 86.
2. Агибалов В.Ю. Криминалистическая сущность виртуальных следов // Вестник ВГУ. Серия: Право. № 2. 2009. С. 352.
3. Бадиков Д.А.. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием VPN и прокси-серверов // Закон и право. 2025. №1. С. 190-193
4. В России кратно увеличилось число приговоров за преступления «военного времени» // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247375> (дата обращения: 28.03.2026).
5. За семь лет число преступлений с использованием IT-технологий возросло в 20 раз // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9767825> (дата обращения 27.03.2026)
6. Зиновьева Н.С. К вопросу о месте криптографии и стеганографии в криминалистической науке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №2. С.87-89
7. Интервью Председателя СК России Александра Бастрыкина «Российской газете» // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1331846/> (дата обращения: 29.03.2026).
8. Озвучен антирекорд террористических преступлений в РФ // МК РУ. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/11/23/ozvuchen-antirekord-terroristicheskikh-prestupleniy-v-rf.html> (дата обращения: 28.03.2026).
9. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. №53 (часть I) ст. 8669. 2024. 30 дек.

УДК 343.1

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ)
СЛЕДОВ КАК ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

Гребенюк Анна Евгеньевна,

Студентка 3 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
grebenuka564@gmail.com

Научный руководитель:

Чурикова Анна Юрьевна,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры
информационного права и цифровых технологий
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия

Аннотация: Внедрение новых информационных технологий в сферу общественных и государственно-управленческих отношений позволяет повысить эффективность нашей жизнедеятельности. С появлением компьютерных преступлений возникает острая необходимость улучшения системы уголовного судопроизводства посредством применения новых информационных инструментов. Автором предпринята попытка обосновать тезис о целесообразности внесения в уголовно-процессуальный закон понятия «электронный носитель информации» с целью конкретизации извлечения электронных (цифровых) следов, имеющих значение для расследования и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: доказывание, информационные технологии, уголовный процесс, цифровизация, электронный носитель информации, электронный (цифровой) след, электронные (цифровые) доказательства.

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC (DIGITAL) FOOTPRINTS AS SOURCES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Grebenyuk Anna Evgenievna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

grebenuka564@gmail.com

Scientific supervisor:

Churikova Anna Yurievna,

Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia

Abstract: The introduction of new information technologies into the field of public and state-managerial relations makes it possible to increase the efficiency of our activities. With the emergence of computer crimes, there is an urgent need to improve the system of criminal proceedings by using new information tools. The author attempts to substantiate the idea of introducing the concept of "electronic information carrier" into the criminal procedure law in order to specify the extraction of electronic (digital) traces that are important for the investigation and detection of crimes.

Keywords: proof, information technologies, criminal procedure, digitalization, electronic information carrier, electronic (digital) trace, electronic (digital) evidence.

Цифровизация представляет собой совершенствование нынешних и внедрение новых цифровых технологий с целью повышения эффективности и результативности деятельности участников уголовного процесса. Результативность определяется степенью достижения участником задач при соблюдении законодательных норм.

В уголовном процессе, в свою очередь, виднеются процессы цифровизации: регламентируется порядок электронного документооборота, порядок проведения видеоконференц-связи как на стадии предварительного расследования

(в определённых следственных действиях), так и на стадии судебного разбирательства. К тому же цифровизация уголовного процесса позволяет совершенствовать процедуру расследования фактических обстоятельств посредством собирания т. н. нематериальных доказательств, что существенно облегчит деятельность участников уголовного преследования. Как отмечает А. Ю. Чурикова: «Внедрение информационных технологий в уголовный процесс проходит гораздо медленнее, чем в любом другом виде государственной деятельности» [1, с. 210]. К причинам торможения относят вопрос целесообразности использования новейших технологий, наличие соответствующей квалификации для работы с ними, а также их нормативно-правовое регулирование при расследовании преступлений.

Кроме вышеуказанных причин, к одной из проблем, препятствующих процессу цифровизации, относят пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве в области определения электронных (цифровых) доказательств.

Необходимо отметить, что информация на том или ином носителе хранится и передаётся в зашифрованном, т. е. цифровом виде. Однако уголовно-процессуальный закон не содержит дефиниций «цифровое доказательство»,

«цифровой носитель» и пр. Думается, что будет более корректным считать категории «цифровой» и «электронный» тождественными.

В науке активно ведётся дискуссия о существовании электронных (цифровых) следов и электронных (цифровых) доказательств. Электронный (цифровой) след в узком смысле подставляет собой интернет-след, что отражает лишь часть сущности электронных (цифровых) следов. В широком смысле данную категорию ясно раскрывает определение А. В. Мещерякова, т. е. это «любое изменение автоматизированной информационной системы, связанное с преступлением и зафиксированное в виде компьютерной информации» [2, с. 269].

Выделяют два основных подхода к пониманию электронных (цифровых) следов. Согласно первому подходу, они являются материальными следами, т. е. информация содержится на материальном носителе и может в дальнейшем использоваться в качестве вещественного доказательства, а их отличительной чертой является особенность создания и обработки при помощи применения информационных технологий. Сторонники второго подхода утверждают о необходимости выделения настоящих следов в отдельный вид, поскольку данные следы обладают электронным механизмом следообразования, а их изучение возможно при помощи программного обеспечения.

Полагаем, будет более приемлемой позиция сторонников определения электронных (цифровых) следов как материальных, так как согласно ст. 74 УПК РФ такие следы оформляются как вещественные доказательства или иные документы. В частности, П. С. Пастухов скептически настроен по вопросу отнесения цифровых следов к самостоятельному виду по причине того, что «данное действие создаст новые споры и противоречия, ведь они имеют двойственную основу» [3, с. 561]. П. Г. Марфицин считает, что это лишь форма фиксации сведений, не дающая оснований выделять их в отдельный вид [4, с. 108].

УПК РФ (ст. 81, 81.1, 164.1) регламентирует порядок фиксации электронного (цифрового) следа в доказательственную информацию. Условными критериями осуществления данного процесса служат наличие электронного носителя информации, наличие информации, которая могла служить орудием преступления или же на которую мог быть направлен преступный умысел, а также процессуальный порядок собирания, исследования и оценки доказательств с обязательным участием специалиста. Таким образом, электронное (цифровое) доказательство – это сведения, содержащиеся в электронном (цифровом) виде на электронном носителе информации. Однако определения электронного носителя информации в УПК РФ не содержится, что вызывает трудности отнесения тех или иных доказательств к электронным (цифровым) на этапе предварительного расследования.

Определение нашлось в Межгосударственном стандарте ГОСТ 2.051–2013, введённом в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. №1628-ст (утратил силу на территории Российской Федерации с 01.03.2024 в связи с изданием Приказа Росстандарта от 03.11.2023 N 1329-ст. Взамен введен в действие ГОСТ Р 2.051-2023). В предыдущем стандарте указывается, что электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [5]. Таким образом, согласно толкованию вышеупомянутого стандарта, под электронными носителями может подразумеваться всё что угодно. Новый стандарт не содержит понятия электронного носителя.

А. Е. Федулова под электронным носителем информации определяет «техническое устройство, предназначенное для записи, хранения воспроизведения, переработки при помощи электронно-вычислительной техники, а также для передачи посредством информационно-телекоммуникационных сетей» [6, с. 94]. По мнению А. Б. Судницына, к таким

носителям можно отнести: жёсткие диски, флеш-накопители, карты памяти и пр. [7, с. 12].

Таким образом, в целях совершенствования уголовного процесса и облегчения деятельности её субъектов следует дополнить уголовно-процессуальный закон термином «электронный носитель информации», под которым будет пониматься устройство, содержащее в себе информацию, имеющую значение для уголовного дела, позволяющую установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, восприятие которой невозможно без применения электронно-вычислительной техники.

Библиографический список использованных источников

1. ГОСТ 2.051–2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения (введен в действие Приказом Росстандарта от 22.11.2013 N 1628-ст) (Документ утратил силу на территории Российской Федерации с 01.03.2024 в связи с изданием Приказа Росстандарта от 03.11.2023 N 1329-ст. Взамен введен в действие ГОСТ Р 2.051–2023). Текст электронный // consultant.ru: официальный сайт (дата обращения: 02.03.2026).
2. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронный носитель» в уголовном судопроизводстве / П. Г. Марфицин // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №3 (39). С. 106–109.
3. Мещеряков, в. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий / В. А. Мещеряков. Библиотека криминалиста. 2013. №5 (10). С. 265–269.
4. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств / П. С. Пастухов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов. 2019. №7 С. 558–566.
5. Судницын А. Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по

уголовным делам / А. Б. Судницын // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 1 (22). С. 11–16.

6. Федулова А.Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / А. Е. Федулова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90–100.

7. Чурикова, А. Ю. Проблемы цифровизации российского уголовного процесса / А. Ю. Чурикова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. №6 (143). С. 209–216.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Гребенюк Анна Евгеньевна,

Студентка 3 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
grebenuka564@gmail.com

Степанец Александр Павлович,

Студент 3 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,
sasa301108@yandex.ru

Научный руководитель:

Дражевская Юлия Валерьевна,

Старший преподаватель, к.ю.н.,
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия

Аннотация: в современном мире часть составов преступлений перешла в цифровое пространство. Отличительной особенностью расследования преступлений, совершаемых в сети Интернет, является наличие цифровых следов. Кроме того, интернет-преступники активно применяют средства шифрования с целью сокрытия своей причастности к совершённым деяниям. Результативность расследования и раскрытия интернет-преступлений возможна лишь при комплексном применении необходимых следственных действий, оперативно-розыскных розыскных, которые основываются на актуальных криминалистических методах противодействия преступности. Авторами

предпринята попытка проанализировать деятельность субъектов уголовного преследования по противодействию преступлениям, совершаемым в сети Интернет, а также предложить способы преодоления рассмотренных проблем.

Ключевые слова: интернет-преступление, интернет-преступник, расследование преступлений, сеть Интернет, средства анонимизации, цифровые доказательства, цифровые следы.

FEATURES OF INVESTIGATING INTERNET CRIMES

Grebenyuk Anna Evgenievna,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

grebenuka564@gmail.com

Stepanets Alexandr Pavlovich,

3rd year student

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

sasa301108@yandex.ru

Scientific supervisor:

Drazhevskaya Yulia Valerievna,

Senior Lecturer, PhD,

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia

Abstract: in today's world, a significant number of crimes have been transferred to the digital realm. The investigation of crimes committed on the Internet is characterized by the presence of digital traces. Additionally, internet criminals actively use encryption tools to conceal their involvement in the crime. The effectiveness of the

investigation and detection of internet crimes can only be achieved through a comprehensive approach that combines necessary investigative actions, operational search, and forensic methods. The authors have attempted to analyze the activities of criminal prosecution subjects aimed at countering illegal acts committed on the Internet.

Keywords: Internet criminal, Internet crime, crime investigation, Internet network, anonymization tools, digital evidence, digital traces.

В современном мире растёт число преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. Примечательно, что широкое распространение получили такие составы преступлений, которые не связаны с компьютерной информацией, её обработкой, передачей, защитой. Например, такие преступления, которые посягают на общественные отношения, обеспечивающие защиту конституционного строя РФ, общественной безопасности, здоровья населения и пр. [1, с. 41]. Так в сети интернет-преступники создают чаты, паблики, используют свои личные страницы в социальных сетях для распространения общественно опасной информации, например, публикуют способы приобретения наркотиков, экстремистские материалы с целью возбуждения ненависти или вражды, занимаются мошенничеством и т. д.

Мониторинг сети Интернет проводится как сотрудниками оперативных подразделений, так и сотрудниками органов предварительного расследования. В данном мероприятии задействуются различные поисковые системы с целью выявления сайтов, записей в социальных сетях, содержащих запрещённую к распространению информацию.

Особенности расследования интернет-преступлений выражаются в следующем. Во-первых, возникают сложности в установлении места совершения преступления. Согласно ст. 152 УПК РФ, местом совершения преступления является местонахождение лица, совершившего противоправное деяние [2],

однако оно может находиться за пределами территории РФ и попадать под юрисдикцию другого государства, и, в связи с этим, потребуется помощь иностранного государства по его выдаче. На наш взгляд, не стоит забывать, что возможно применение пользователем сети Интернет средств анонимизации, что вдвойне усложняет процесс расследования. Анонимизация представляет собой процесс сокрытия цифровых следов в сети Интернет, в частности, местоположение пользователя [3, с. 223].

Представляется, что произошёл качественный переход от простых средств анонимизации к более сложным, требующих специальных знаний и соответствующего оборудования с целью эффективного противодействия им. Основным способом идентификации пользователя сети Интернет является установление IP-адреса, а именно идентификация аппаратных устройств, используемых для соединения. В настоящее время наиболее распространёнными средствами анонимизации считаются различные прокси-серверы (сервер, осуществляющий посредничество между устройством и сетью Интернет, в результате которого происходит запрос не пользователем, а непосредственно прокси-сервером), VPN-сервисы (закрытый канал, позволяющий зашифровано передавать данные, обеспечивающий безопасность и анонимность лица), которые могут устанавливаться на устройствах в качестве программ, приложений, дополнений к веб-браузеру.

Тем не менее на сегодняшний день не существует таких программ, сервисов, обеспечивающих абсолютную анонимность в сети Интернет, ведь пользователь на каждом своём шагу оставляет цифровые следы, под которыми понимаются изменение автоматизированной информационной системы, связанное с совершением преступления и выражающееся в виде компьютерной информации. [4, с. 17]. Процесс деанонимизации представляет собой совокупность оперативно-розыскных и следственных действий, а также тактико-криминалистических методов, направленных на установление оборудования и используемых его лиц, которые при помощи средств шифрования совершали

противоправные действия в сети Интернет. Вопрос деанонимизации требует детального анализа большого объёма данных и должного взаимодействия со специалистами, сведущих в области информационно-телекоммуникационных технологий, однако позволяет достигнуть задачи по установлению субъекта интернет-преступления. Чем глубже будет познавательная деятельность, тем достовернее и полнее будет доказательственная база по уголовному делу.

Доказательственной информацией при расследовании интернет-преступлений будут являться различные источники, среди которых преобладают запросы от субъектов уголовного преследования.

IP-адрес гаджетов является значимой информацией, позволяющей определить субъекта преступления. Сведения может предоставить владелец ресурса, которым пользуется лицо. Знание IP адреса позволяет установить информацию о провайдере, который, в свою очередь, имеет данные о фактическом местоположении пользователя Интернета. Например, если пользователь, находясь на территории РФ, использует VPN-сервис, то создаётся впечатление, что лицо находится за пределами страны. В соответствии со ст. 21 УПК РФ следователь вправе направить запрос провайдеру шифрующего средства с требованием предоставить сведения об используемом IP-адресе и времени подключения субъекта к сети с целью получения информации о лицах с конкретными IP-адресами [5]. Однако, если лицо применяет подменённый адрес зарубежного провайдера VPN-сервиса и органам предварительного расследования, а также оперативно-розыскным подразделениям не удаётся получить необходимые сведения с его стороны (или же вовсе не использует средства анонимизации), следователь, аналогично предыдущему действию, может запросить информацию у владельца интернет-ресурса (логин, пароль, электронная почта и пр.) или же лиц, предоставляющих услуги связи (международный идентификационный номер мобильного устройства субъекта, номер сим-карты, также сведения о владельце зарегистрированного номера телефона), чтобы идентифицировать конкретное устройство.

Кроме того, следователь на основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ правомочен давать поручения органу дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению личности совершённого деяния [6]. Так, был вынесен приговор в отношении лица, умышленно распространявшего на своей странице в социальной сети порнографические материалы. Благодаря работе оперативно-розыскных подразделений была добыта информация о пользователе учётной записи, его устройстве. Был проведён осмотр мобильного устройства, которое в последствии было приобщено как вещественное доказательство [7].

Если же лицо изменило на своём компьютерном устройстве системное время, а затем вернуло на исходное, то данное действие заносится в журнал безопасности компьютера. Соответственно, при изъятии устройства, с применением специальных программ, возможно заглянуть в историю событий за последнее время, где можно обнаружить неестественное течение системного времени. Например, 12:40:37, далее 18:01:17, а затем 12:44:03. Это касается и мобильного устройства. Если же в настройках указана автоматическая смена времени, то при использовании VPN-сервиса время станет соответствовать изменённому местоположению.

Вторая проблема, возникающая в ходе расследования, выражается в вероятности сокрытия совершённого преступления посредством удаления ранее размещённых записей, однако полную утрату доказательств возможно предотвратить, прибегнув к компьютерно-технической экспертизе, в ходе проведения которой возможно установить ранее удалённую информацию, или обратиться к тому же интернет-провайдеру.

Таким образом, в данной работе был исследован механизм преступной деятельности, совершаемой в сети Интернет, в том числе с использованием системы шифрования данных о пользователе. Анализ судебной практики по уголовным делам показал, что преимущественно проводится расследование и раскрытие преступлений, совершённых в сети Интернет (форумы, сайты и пр.), но не в социальных сетях. Это объясняется тем, что большинство социальных

сетей, которыми пользуются граждане РФ, находятся под юрисдикцией другого государства. Соответственно, не каждый иностранный провайдер будет согласен предоставить российским правоохранительным органам необходимые сведения. Та же проблема затрагивает и иностранные средства шифрования. На современном этапе возможным решением проблемы будет являться обращение субъектов, осуществляющих предварительное расследование, к экспертам и специалистам в области компьютерно-технической направленности, а также создание и применение усовершенствованных технологий, позволяющих без помощи иностранных субъектов устанавливать местоположение лица.

Библиографический список использованных источников

1. Алейников Д.П., Зык А.В. Современные технологии анонимизации в сети Интернет // Образование и право. 2021. №7. С. 223–224.
2. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сети Интернет с использованием средств анонимизации: методические рекомендации / Гайдин А.И., Пидусов Е.А., Головчанский А.В., Гусев Д.В. – Воронеж: Воронежский институт МВД России. 2022. 43 с.
3. Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Возможности получения доказательственной информации при расследовании интернет-преступлений // Хуманитарни Балкански изследвания. 2017. №1. С. 41–43.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). СЗ РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Приговор Кушвинского городского суда Свердловской области от 22.03.2021 по делу № 1–50/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q2jCqs1fxKxx/> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343

НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМА

Замяткина Виктория Евгеньевна,

студентка 3 курса,

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

viktoriazamatkina@gmail.com

Лизунов Вадим Вячеславович,

студент 3 курса,

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

vadimlizunov019@gmail.com

Аннотация: статья освещает актуальные вызовы, связанные с распространением экстремизма в РФ и за рубежом. Проанализирована взаимосвязь между международными нормами и законодательством России в сфере защиты конституционного строя. Подчеркивается, что эффективная борьба с экстремизмом невозможна без баланса между мерами ответственности и профилактикой с участием общественных и государственных институтов.

Ключевые слова: интернет, законодательство, международное право, права человека, противодействие экстремизму, профилактика, экстремизм.

NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL REGULATIONS ON COUNTERING EXTREMISM

Zamyatkina Victoria Evgenievna,

3rd year student,
FGBOU VO Tver State University,
the city of Tver, Russia,
viktoriazamatkina@gmail.com

Lizunov Vadim Vyacheslavovich,

3rd year student,
FGBOU VO Tver State University,
the city of Tver, Russia,
vadimlizunov019@gmail.com

Abstract: the article highlights the current challenges associated with the spread of extremism in the Russian Federation and abroad. It analyzes the relationship between international norms and Russian legislation in the field of protecting the constitutional order. The article emphasizes that an effective fight against extremism is impossible without a balance between measures of responsibility and prevention, involving public and state institutions.

Keywords: Internet, legislation, international law, human rights, countering extremism, prevention, extremism.

Современное общество сталкивается с серьёзными угрозами, связанными с распространением экстремистской идеологии среди молодёжи. Особенно часто такие угрозы можно встретить в цифровой среде. В настоящее время интернет стал не только пространством коммуникации и самовыражения, но и мощнейшим инструментом вербовки и пропаганды радикальных идей. Рост доступности сетевых платформ, анонимность и высокая скорость распространения информации создают благоприятные условия для экстремистской деятельности.

Актуальность данной темы подтверждается ростом числа преступлений экстремистской направленности в России. Так, в 2024 году было выявлено 1719

преступлений экстремистской направленности, что на 28,3% больше, чем в 2023. Значительная часть этих преступлений совершается лицами молодого возраста [7].

Экстремизм — социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими.

В уголовном законодательстве Российской Федерации ответственность за проявления экстремизма предусмотрена рядом норм:

- ст. 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности;
- ст. 282 УК РФ — возбуждение ненависти либо вражды;
- ст. 205.2 УК РФ — публичное оправдание терроризма и его пропаганда;
- ст. 282.1–282.3 УК РФ — организация экстремистского сообщества, участие в нём и финансирование [8].

Данные нормы активно применяются в отношении преступлений, совершённых с использованием сети Интернет. Приведенные статьи из УК РФ являются бланкетными, отсылают к ФЗ от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» как источнику легального толкования «экстремистской деятельности» [10], к которой осуществляется призыв через Интернет, и к ПП ВС РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [6]. Так, в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» раскрывается перечень всех деяний, охватываемых понятием «экстремистская деятельность». Постановление Пленума Верховного Суда РФ

от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в свою очередь раскрывает детали и специфику официального подхода к пониманию цифровой природы данного преступления. Так, в п. 2.1. обозначена обязательность установления направленности на умысел и мотив побуждения к экстремизму при размещении лицом в сети «Интернет» текста, видео, фото, аудио материала с призывом к экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности России или ее безопасности. В п. 6 обозначен момент окончания преступления в форме факта размещения, а в п. 8 раскрыты все аспекты, учитываемые при установлении умысла и мотива. Согласно положениям п. 8, правовая квалификация базируется не только на характере и объеме информации, но и на анализе поведения пользователя в сети. Сюда относятся авторские комментарии к постам, интенсивность обновлений, специфика контента и активность по его продвижению. Немаловажным критерием является и характеристика личности, указывающая на системную предрасположенность к экстремизму [6].

Интернет как ключевой инструмент распространения экстремистской идеологии предоставляет экстремистам широкие технические возможности, включая:

- создание анонимных сообществ;
- использование мессенджеров и социальных сетей;
- распространение пропагандистских видеороликов, мемов, лозунгов;
- вербовку участников через игровые и контент-площадки;
- киберманипуляции, включая фейки и психологическое давление.

К ключевым причинам вовлечения молодёжи в данную деятельность, можно отнести:

- психологические факторы — кризис идентичности, желание самоутвердиться;

- социальные причины — маргинализация, отсутствие социальных перспектив;
- влияние медиасреды — романтизация насилия и протестного поведения;
- манипулятивность экстремистских структур — воздействие на чувства несправедливости и протеста;
- анонимность и доступность сетей для несовершеннолетних.

По данным исследований, молодые люди нередко попадают в экстремистские интернет-сообщества из-за дефицита социальных контактов, внимания, эмоциональных трудностей и поиска сопричастности [1].

Ключевым фактором минимизации экстремистских угроз является преодоление кризисных явлений в социальной и экономической жизни страны. Наименее защищенными перед деструктивной пропагандой остаются представители маргинальной молодежной среды, которых привлекают простые ответы на сложные вопросы и обещания быстрых результатов. В связи с этим государству в России важно сочетать правоохранные меры с потенциалом науки, медиа и общественности. Чрезмерный акцент на репрессивных методах без комплексной профилактики лишь провоцирует дальнейшую радикализацию и увеличивает риск совершения терактов [3].

Поэтому важное место в системе предотвращения и противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде России должны занимать профилактические мероприятия, которые должны осуществляться на постоянной основе. Профилактические мероприятия могут помочь молодым людям поменять мышление и справиться с возможными проблемами, которые могут побудить их к действиям экстремистской направленности. Таким образом, разработка и реализация эффективной системы профилактики и противодействия распространению экстремистских проявлений в современном обществе, особенно среди молодежи, является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России.

В России действует обновлённая Стратегия противодействия экстремизму (Указ Президента РФ от 28.12.2024), в которой определены ключевые направления борьбы, включая:

- мониторинг интернет-пространства с использованием ИИ;
- создание единой базы данных экстремистских материалов;
- развитие программ медиаобразования и информационной безопасности;
- социальное вовлечение молодёжи в патриотические проекты;
- профилактическая работа с несовершеннолетними [9].

В соответствии с международными договорами Российская Федерация сотрудничает в области борьбы с экстремизмом с другими странами-участниками. Так, например, Россия наряду с другими странами-участниками Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года признала экстремизм одной из угроз международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также основным правам и свободам человека. Экстремизм, терроризм и сепаратизм, как указывается в Шанхайской конвенции, серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности государств, а также их политической, экономической и социальной стабильности.

В соответствии с нормами международного права государства-участники данной Конвенции приводят к единообразной системе внутригосударственное законодательство. В целях наиболее полного анализа данного вопроса необходимо провести обзор сферы применения существующих международно-правовых положений о предупреждении, пресечении и ликвидации экстремизма во всех его формах и проявлениях. Прежде всего с целью обеспечения наличия всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса. Венская декларация и программа действий (Вена, 25 июня 1993 года) устанавливает, что акты, методы и практика экстремизма во всех его формах и проявлениях являются деятельностью, которая направлена на уничтожение прав

человека, основных свобод и демократии, создает угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизирует законные правительства [4].

Всеобщая декларация прав человека является основополагающим актом в сфере международного права прав человека. Согласно этой декларации нарушение прав человека в первую очередь характеризует экстремистскую деятельность, но ее одной для защиты личности от все более распространяющихся в мире и растущих в числе посягательств экстремистской направленности явно недостаточно. Поэтому впоследствии было принято еще немало актов в этой области, которые затрагивают различные стороны противодействия проявлениям экстремизма.

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (21 декабря 1965 г.) раскрывает конкретный вид экстремистской деятельности – расовая дискриминация. Расовая дискриминация подразумевает собой «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» [5].

Основополагающие гарантии свободы совести заложены в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), который приравнивает ущемление прав по религиозному признаку к проявлениям национализма и расизма. Статья 18 данного Пакта прямо провозглашает право личности на свободу убеждений и религии.

В развитие этой концепции Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости (ст. 1, 2) акцентирует внимание на недопустимости давления при выборе веры. Ограничения в этой сфере допускаются лишь в исключительных

случаях, предусмотренных законодательством для обеспечения общественной морали и безопасности. Декларация накладывает строгий запрет на любые дискриминационные действия по отношению к верующим, исходящие от органов власти, организаций или отдельных лиц [2].

Таким образом, международно-правовой фундамент борьбы с экстремизмом имеет программно-целевую направленность: он задает вектор недопустимости радикальных действий, не регламентируя детально методы их подавления. Это позволяет государствам задействовать широкий спектр механизмов, от административных до уголовно-правовых. Задача национального законодателя — конкретизировать состав преступлений экстремистского характера, руководствуясь критериями криминализации и не допуская ущемления базовых прав, таких как свобода дискуссии. В современных условиях системная борьба с организованным экстремизмом выступает ключевым элементом правовой политики, требующим интеграции национальных и международных усилий.

Библиографический список использованных источников

1. Бочарников И.В. Интернет как платформа для распространения радикальных идей и экстремизма: меры профилактики // КиберЛенинка. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-platforma-dlya-rasprostraneniya-radikalnyh-idey-i-ekstremizma-mery-ee-profilaktiki>.
2. Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятая 12 февраля 2004 года на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы // СПС «ГАРАНТ» URL: <https://clc.li/HZsjL>.
3. Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде / В.К. Довгяло // Вестник ПГГПУ. 2018. № 1. – С. 21-22.
4. Иванчов С. В. Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: переосмысление и реализация ответственности / / Общество и право. – 2016. – № 2. - С. 91-97.

5. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, утверждённая резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 года // Действующее международное право. Т. 2. – М. : Московский независимый институт международного права, 1997.
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета от 4 июля 2011 г. N 142.
7. Рост числа преступлений экстремистской направленности // Российская Газета от 15.01.2025. Федеральный выпуск: №6 (9545).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25
9. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1025 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. N 53 ст. 8669.
10. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Парламентская газета от 30 июля 2002 г. N 142–143.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Замяткина Виктория Евгеньевна,

студентка 3 курса,

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

viktoriazamatkina@gmail.com

Лизунов Вадим Вячеславович,

студент 3 курса,

ФГБОУ ВО ТвГУ,

г. Тверь, Россия,

vadimlizunov019@gmail.com

Аннотация: статья посвящена особенностям уголовно-процессуального регулирования дел об экстремизме и терроризме. Анализируются положения УПК РФ, касающиеся возбуждения уголовных дел, подследственности, доказывания, применения мер процессуального принуждения и обеспечительных мер. Особое внимание уделено специфике расследования преступлений, совершенных в сети Интернет.

Ключевые слова: вещественные доказательства, законодательство, Интернет, преступления, подследственность, терроризм, уголовно-процессуальное, экстремизм.

CRIMINAL PROCEDURE FEATURES OF COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM

Zamyatkina Victoria Evgenievna,

3rd year student,

FGBOU VO Tver State University,

the city of Tver, Russia,

viktoriazamatkina@gmail.com

Lizunov Vadim Vyacheslavovich,

3rd year student,

FGBOU VO Tver State University,

the city of Tver, Russia,

vadimlizunov019@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the features of criminal procedural regulation of cases of extremism and terrorism. It analyzes the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the initiation of criminal cases, jurisdiction, proof, and the use of procedural coercion and protective measures. Special attention is paid to the specifics of investigating crimes committed on the Internet.

Keywords: material evidence, legislation, the Internet, crimes, jurisdiction, terrorism, criminal procedure, extremism.

Уголовный процесс играет ключевую роль в противодействии экстремизму и терроризму, охватывая весь спектр следственных действий: от выявления преступлений до расследования и судебного рассмотрения. С момента криминализации экстремистской деятельности, УПК РФ становится основным правовым инструментом для собирания доказательств и обеспечения справедливого правосудия. Важную превентивную функцию выполняет оперативное реагирование на сообщения о преступлениях, а также выявление причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, как это предусмотрено статьями 6, 21, 73, 158 УПК РФ и другими положениями.

Таким образом, уголовный процесс способствует не только привлечению виновных к ответственности, но и системному предотвращению новых угроз.

Дела о преступлениях экстремистской направленности относятся к делам публичного обвинения. Они возбуждаются по любому основанию, предусмотренному частью 1 статьи 140 УПК РФ, и, как правило, не прекращаются из-за примирения с потерпевшим, за исключением случаев, прямо указанных в статье 25 УПК РФ [3]. По таким делам проводится предварительное следствие в форме досудебного следствия [1].

Подследственность по делам экстремистской направленности характеризуется определённой спецификой. Предварительное следствие по статье 280 УК РФ осуществляется органами ФСБ России. Основная масса дел, связанных со статьями 282, 282.1 и 282.2 УК РФ, находится в ведении Следственного комитета РФ. Однако по составам, связанным с организацией экстремистских объединений и организаций (ст. 282.1 и 282.2), закон предусматривает возможность проведения следствия тем ведомством, которое непосредственно выявило преступление.

В научных трудах отмечается необходимость более чёткого определения подследственности дел, связанных с терроризмом и экстремизмом, в ведении ФСБ России и Следственного комитета РФ [1].

Особое значение в рамках таких дел имеет предмет доказывания. Среди обстоятельств, подлежащих доказыванию по статье 73 УПК РФ, выделяется необходимость установить, что имущество, подлежащее конфискации, предназначалось для финансирования терроризма. Это свидетельствует о том, что даже общие нормы, регулирующие доказывание, содержат специальную направленность на преступления экстремистской и террористической направленности. Соответственно, действует и положение части 3 статьи 82 УПК РФ: денежные средства, ценности и иное имущество, добытое экстремистскими структурами или предназначенное для реализации экстремистской

деятельности, подлежат конфискации в установленном порядке при отсутствии оснований для их возврата законному собственнику [1].

Уголовно-процессуальное законодательство предоставляет особые инструменты для борьбы с терроризмом, включая продленный до 30 суток срок предъявления обвинения по ряду преступлений (ч. 2 ст. 100 УПК РФ). При этом остается неурегулированным вопрос о включении в данный перечень преступлений, предусмотренных ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, несмотря на их высокую общественную опасность. Тем не менее, эффективность противодействия обеспечивается применением мер ареста имущества (ст. 115, 116 УПК РФ) и возможностью проведения неотложных следственных действий без предварительного разрешения суда (ст. 165 УПК РФ), что способствует пресечению финансирования и возмещению ущерба [3].

Особую сложность представляет расследование экстремистских и террористических преступлений, совершённых в интернете. В таких случаях особое значение имеют показания свидетелей, полученные при проведении следственных действий по смежным составам. Сведения о подготовке террористического акта могут быть использованы как основание для квалификации деяний по делу о несообщении о преступлении, а достоверные данные о факте совершения преступления позволяют включить в процессуальное рассмотрение и другие связанные составы. Это говорит о том, что в подобных делах доказательственная база, как правило, формируется на стыке цифровых улик, экспертных заключений и показаний участников процесса [2].

При рассмотрении дел данной категории большое значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности" и Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности". Однако единообразие практики сохраняется

не всегда. Наблюдаются случаи, когда, несмотря на наличие доказательств распространения материалов, формирующих идеологию терроризма и создающих представление о допустимости террористической деятельности, суд отказывается квалифицировать действия как пропаганду терроризма. При этом совокупность доказательств может свидетельствовать не только о публичных призывах к терроризму или его оправдании, но и о систематической пропагандистской деятельности [2]. Отсутствие специального порядка рассмотрения дел об экстремизме и терроризме небольшой и средней тяжести приводит к применению общих норм УПК РФ (глава 4) и УК РФ (глава 11) при прекращении таких дел по нереабилитирующим основаниям. Особую коллизию представляет распоряжение вещественными доказательствами экстремистского характера при назначении судебного штрафа. Применяемая на практике процедура возврата материалов собственнику до блокировки или изъятия противоречит установленному законом (ст. 213, 239, 254, 309 УПК РФ; Пленум ВС РФ № 19) требованию определять судьбу доказательств в окончательном решении. Учитывая возможность возобновления производства по делу при неуплате штрафа (ст. 446.5 УПК РФ), преждевременная утрата доказательств (уничтожение или возврат) создает существенный пробел, препятствующий последующему расследованию и исключению повторного распространения запрещенного контента.

Таким образом, можно сформулировать следующее положения в качестве рекомендации по улучшению уголовно-процессуального законодательства: при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, судьба вещественных доказательств, изъятых из гражданского оборота или содержащих запрещенную к распространению информацию (включая материалы экстремистского характера), разрешается в особом порядке. Их возврат лицу, в отношении которого прекращено дело, ни при каких условиях недопустим. Данные доказательства подлежат обязательному хранению (ст. 82 УПК РФ) до истечения установленного ст. 446.5 УПК РФ срока для возобновления

производства по делу. В течение этого периода они должны быть доступны для повторных экспертных исследований и иных процессуальных действий. Уничтожение этих вещественных доказательств допускается лишь после окончательного истечения указанных сроков и при отсутствии возобновления дела, в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 81 УПК РФ.

В целом уголовно-процессуальное регулирование по делам об экстремизме и терроризме носит комплексный характер. Оно определяет особенности на всех стадиях: от возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ) и проведения предварительного следствия со специальной подследственностью, до специфики доказывания (ст. 73, 82 УПК РФ) и применения мер принуждения (ст. 100 УПК РФ) и обеспечительных мер (ст. 115, 116, 165 УПК РФ). Кроме того, УПК РФ допускает прекращение данных уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (ст. 25.1, 256 УПК РФ). Однако основная сложность заключается не в отсутствии нормативных правил, а в неодинаковом их применении на практике.

Библиографический список использованных источников

1. Алпеева М. А. Современные тенденции уголовно-процессуального обеспечения мер противодействия экстремизму и терроризму.
2. Равнюшкин А. В. О проблемах применения судами уголовно-процессуального и уголовного законов при вынесении решений по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности небольшой и средней тяжести.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ // "Российской газете" от 22 декабря 2001 г. N 249.

УДК 343.163

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРОКУРОРСКОГО
НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

Немова Вероника Ивановна,

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,

nemovaveronika@icloud.com

Сескутова Анастасия Владимировна,

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Россия,

seskutova30@mail.ru

Аннотация: статья посвящена поиску оптимальной модели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. На основе анализа доктринальных подходов и правоприменительной практики выявляются системные противоречия между сохраняющимся объемом надзорных полномочий прокурора и их недостаточной процессуальной обеспеченностью. Авторами обосновывается необходимость отказа от «заявительного» порядка реализации ключевых правомочий, предлагается концепция «превентивного надзора» за избранием мер пресечения и вводится критерий штатной нагрузки как фактор качества надзорной деятельности. Предложенные изменения направлены на формирование сбалансированной системы сдержек и противовесов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: защита прав участников уголовного судопроизводства, обвинительный уклон, полномочия прокурора, предварительное следствие, прокурорский надзор, процессуальная автономия следователя.

**IMPROVING THE MECHANISMS OF PROSECUTORIAL
SUPERVISION OF THE PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE
PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES**

Veronika Ivanovna Nemova,

3rd year student

FGBOU VO «SSLA»,

Saratov, Russia,

nemovaveronika@icloud.com

Seskutova Anastasia Vladimirovna,

3rd year students

FGBOU VO «SSLA»,

Saratov, Russia,

Abstract: the article is devoted to the search for the optimal model of prosecutorial supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies. Based on the analysis of doctrinal approaches and law enforcement practice, systemic contradictions are revealed between the continuing scope of the prosecutor's supervisory powers and their insufficient procedural provision. The authors substantiate the need to abandon the "declarative" procedure for the implementation of key powers, propose the concept of "preventive supervision" over the selection of preventive measures, and introduce the criterion of staff workload as a factor in the quality of supervisory activities. The proposed changes are aimed at forming a balanced system of checks and balances at the pre-trial stages of criminal proceedings.

Keywords: protection of the rights of participants in criminal proceedings, accusatory bias, powers of the prosecutor, preliminary investigation, prosecutorial supervision, procedural autonomy of the investigator.

Актуальность совершенствования прокурорского надзора за предварительным следствием продиктована не столько статистикой выявляемых нарушений, сколько противоречием, заложенным в самой конструкции российского уголовного процесса. С одной стороны, реформа 2007 года, исключившая из полномочий прокурора право возбуждать уголовные дела и давать следователю обязательные к исполнению указания, была направлена на повышение процессуальной самостоятельности следователя и преодоление обвинительного уклона. С другой стороны, как справедливо отмечает С.А. Лубин и А.Ю. Ушаков, в условиях недостаточно эффективного контроля со стороны суда на досудебных стадиях, роль прокурора как гаранта законности возрастает [3, с. 494].

Анализ научных исследований позволяет констатировать наличие устойчивого разрыва между декларируемыми надзорными функциями прокурора и реальными механизмами их реализации. Представляется, что ключевая проблема лежит не в плоскости дефицита полномочий как таковых, а в их процессуальной «оболочке», которая зачастую сводит статус прокурора к статусу субъекта, вынужденного выступать в роли «просителя» либо реагировать на уже свершившиеся процессуальные ошибки. В связи с этим целью настоящей статьи является выработка концептуальных предложений по трансформации прокурорского надзора из реактивного в превентивный инструмент обеспечения законности.

М.А. Богомолов в своем исследовании поднимает, на первый взгляд, сугубо организационный вопрос о периодичности проверок учетно-регистрационной дисциплины, предлагая увеличить их частоту с одного раза в месяц до еженедельных [1, с. 93]. Однако за этим предложением стоит более

глубокая проблема: формализация надзора. Прокурор, работающий в условиях кадрового дефицита (что справедливо отмечается автором), вынужден выбирать между охватом и глубиной.

Соглашаясь с тезисом о необходимости учащения визитов, полагаем, что одной лишь кратностью проверок проблему не решить. Эффективность надзора за приемом и регистрацией сообщений о преступлениях должна измеряться не количеством проверенных КУСП (Книг учета сообщений о преступлениях), а качеством выявления латентных нарушений, в частности, фактов необоснованного отказа в приеме заявлений. Для этого необходимо внедрение в деятельность городских и районных прокуратур методики «неформального мониторинга», предполагающей не только сверку журналов, но и выборочный опрос заявителей. Предложение автора об увеличении частоты проверок должно быть дополнено требованием об их внезапности и целеполагании, что позволит нивелировать эффект «подготовленности» органов следствия к визиту прокурора.

Кроме того, М.А. Богомолов обоснованно ставит вопрос о штатной численности надзирающих прокуроров, исходя из нагрузки. Данное предложение выходит за рамки локальной организационной рекомендации. Законодательное закрепление предельной нагрузки на одного прокурора, специализирующегося на надзоре за следствием, позволит исключить практику «разгрузки» за счет передачи полномочий сотрудникам, не обладающим необходимой компетенцией (например, осуществляющим общий надзор). Это не только вопрос качества, но и вопрос процессуальной ответственности.

Наиболее острая дискуссия разворачивается вокруг полномочия прокурора, закрепленного в ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ. Е.А. Емельянцев совершенно справедливо указывает на дефект нормы, согласно которой прокурор может лишь «по мотивированному письменному запросу» получить возможность ознакомиться с материалами дела [2, с. 172]. Такая конструкция превращает прокурора из субъекта власти в субъекта ходатайства, ставя реализацию его

надзорной функции в зависимости от усмотрения руководителя следственного органа.

С этим нельзя согласиться. Прокурор не должен запрашивать возможность ознакомиться с делом — он должен истребовать его в силу своего служебного положения и возложенной на него конституционной обязанности по надзору за соблюдением законности. Синтез норм в один пункт с предоставлением права не только истребовать материалы, но и присутствовать на оглашении докладов органов внутренних дел, представляется рациональным, так как позволяет прокурору формировать правовую позицию на ранних этапах расследования, а не тогда, когда обвинительное заключение уже утверждено.

Отдельного внимания заслуживает идея М.А. Богомолова о модификации процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого. Автор предлагает направлять постановление о привлечении в качестве обвиняемого прокурору до его фактического предъявления, с последующим утверждением либо отказом в этом [1, с. 93].

Данное предложение, безусловно, является революционным, так как затрагивает право на самостоятельное формулирование обвинения. С формально-юридической точки зрения такой механизм вводит дополнительный фильтр, способный отсеять необоснованные обвинения на этапе их зарождения. Однако здесь важен баланс. Утверждение постановления прокурором не должно подменять собой судебный контроль и превращаться в предварительное согласие. Чтобы избежать этого, а также не создать излишнюю бюрократическую нагрузку, предлагается ввести такой порядок не для всех уголовных дел, а исключительно для категорий дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также в случаях, когда привлечение лица в качестве обвиняемого сопряжено с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу.

В контексте защиты прав личности нельзя обойти стороной и вопрос о законности задержания. Е.А. Емельянцева обоснованно обращает внимание на то,

что на практике лица нередко задерживаются при формальном наличии оснований (попытка скрыться, отсутствие места жительства) без установления главного — достаточности оснований полагать, что лицо причастно к преступлению [2, с. 176]. Прокурор при проверке материалов задержания должен руководствоваться не только формальным наличием оснований из ст. 91 УПК РФ, но и оценивать их совокупность. Представляется необходимым законодательно закрепить обязанность прокурора в постановлении о согласии на возбуждение ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу давать оценку не только процессуальным срокам, но и наличию именно совокупности доказательств причастности лица, что станет дополнительной превентивной мерой против незаконных задержаний.

Несмотря на то, что прокурор формально вправе отменять незаконные постановления, на практике реализация этого полномочия наталкивается на корпоративную солидарность следственных органов и сложность преодоления позиции руководителя следственного органа, который вправе не согласиться с требованиями прокурора. Ситуация, когда гражданин, обратившийся в прокуратуру, получает ответ, перенаправленный для проверки в тот самый орган, чьи действия обжалуются, подрывает доверие к надзорному ведомству.

Выход из этой системной ловушки видится в переходе от модели «надзора за процессуальными актами» к модели «надзора за процессуальной деятельностью». Это предполагает наделение прокурора правом на стадии досудебного производства требовать проведения процессуальных действий, необходимых для устранения нарушений, с правом самостоятельного обращения в суд в случае бездействия следствия, минуя руководителя следственного органа. Кроме того, для снятия напряженности во взаимодействии необходимо на законодательном уровне ввести обязательные досудебные согласительные процедуры по наиболее спорным вопросам применения уголовно-процессуального закона.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дальнейшее развитие института прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия должно идти не по пути возврата к административному подчинению следствия прокуратуре, а по пути процессуального насыщения имеющихся полномочий.

1. Организационный аспект требует нормативного закрепления критериев нагрузки на прокуроров-специалистов и перехода от экстенсивного (количественного) подхода к проверкам к интенсивному (качественному) с элементами внезапности.

2. Процессуальный аспект должен быть реформирован в части исключения «заявительного» порядка истребования уголовных дел, а также введения дополнительного (в ряде случаев — обязательного) превентивного надзора за ключевыми следственными действиями, определяющими статус лица (привлечение в качестве обвиняемого, избрание стражи).

3. Институциональный аспект требует разработки четкой процессуальной процедуры разрешения конфликтов между прокурором и руководителем следственного органа, исключающей ведомственную «переписку» и обеспечивающей оперативное восстановление нарушенных прав.

Реализация данных предложений позволит создать сбалансированную систему, в которой процессуальная самостоятельность следователя не превращается в ведомственную бесконтрольность, а прокурорский надзор из «надзора за бумагами» трансформируется в действенный механизм защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список использованных источников

1. Богомолов М.А. Совершенствование организационных основ прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Вестник науки. 2018. №2 (2). С. 92-93.

2. Емельянцев Е.А. Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Материалы научно-практической конференции Байкальского государственного университета. 2022. С. 171-177.
3. Лубин С.А., Ушаков А.Ю. Правовые проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 494-496.

УДК 34

**СУДЕБНАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПОТЕНЦИАЛ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Пятачкова Александра Сергеевна,

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО ТвГУ,
г. Тверь, Россия,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Путилова Анастасия Юрьевна,

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО ТвГУ,
г. Тверь, Россия,

ayputilova@outlook.com

Аннотация: в статье проанализировано современное состояние судебной энтомологии в уголовном процессе РФ. Выявлена диспропорция: при высоком научном потенциале экспертиза редко назначается по делам об убийствах, но активно используется в административном и гражданском судопроизводстве. Отмечены первые российские методические пособия, а также процессуальные проблемы – отсутствие регламентов отбора энтомологического материала, риски утраты доказательственной силы заключений.

Ключевые слова: давность наступления смерти, насекомые-некробионты, перемещение трупа, судебная энтомология, судебно-медицинская экспертиза, уголовный процесс, энтомологическая экспертиза, энтомотоксикология.

**FORENSIC ENTOMOLOGY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN
RUSSIA: CURRENT STATUS, POTENTIAL, AND DEVELOPMENT
PROSPECTS**

Pyatachkova Alexandra Sergeevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

sasha.pyatachkova@yandex.ru

Putilova Anastasia Yuryevna,

3rd-year student

Tver State University,

Tver, Russia,

ayputilova@outlook.com

Abstract: This article analyzes the current state of forensic entomology in criminal proceedings in the Russian Federation. A disparity is identified: despite high scientific potential, forensic entomology is rarely ordered in murder cases, but is actively used in administrative and civil proceedings. The first Russian methodological manuals are highlighted, as well as procedural problems, such as the lack of regulations for the collection of entomological material and the risk of losing the evidentiary value of conclusions.

Keywords: time of death, necrobiont insects, movement of corpse, forensic entomology, forensic medical examination, criminal proceedings, entomological examination, entomotoxicology.

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями следственной и судебной практики к точности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). В ситуациях обнаружения трупа с признаками гнилостных изменений или скелетирования традиционные методы определения давности наступления смерти (ДНС) часто

оказываются недостаточно эффективными. В таких случаях уникальным источником информации становятся насекомые-некробионты, колонизирующие труп.

Несмотря на наличие фундаментальных работ в этой области, анализ правоприменительной практики свидетельствует о фрагментарном использовании возможностей судебной энтомологии в России. Целью данной работы является комплексный анализ современного состояния судебной энтомологии в уголовном процессе РФ, выявление проблемных аспектов ее применения и определение перспектив развития на основе анализа новейших научных данных и судебных прецедентов.

Использование знаний о насекомых в правоприменительных целях имеет глубокие исторические корни. Еще в древности было замечено, что гибель людей часто сопряжена с появлением определенных видов членистоногих. Отдельные упоминания об этом встречаются в египетских папирусах и текстах Ветхого Завета. Первые письменные упоминания саранчи были сделаны еще примерно за три тысячи лет до нашей эры, а Ветхий Завет говорит, что одной из десяти казней египетских, восьмой по счету и самой жестокой считалась именно нападение саранчи. «Огненные змеи» Ветхого завета, как считают некоторые, это одно из древнейших описаний дракункулёза, болезненного состояния, вызываемого самками одного из видов круглых червей. С древнейших времен насекомые использовались умышленно в преступных целях, в том числе и пытках.

Известны многократные попытки использования насекомых в биологической войне. Первые из таких попыток восходят к Гражданской войне в США. В 50-е годы прошлого века экспертами было установлено применение насекомых для поражения людей и сельскохозяйственных растений в Корее, ставшей настоящим опытным полигоном биологической войны. Оценка роли насекомых в таких актах явно попадает в компетенцию и судебной энтомологии. Однако как научная дисциплина судебная энтомология сформировалась значительно позже. Переломным моментом в признании ее доказательственного

значения стали громкие уголовные дела конца XX века. Классическим примером, является дело канадского маньяка Пола Бернардо. Заключение энтомолога доктора Нила Хаскелла позволило сузить предполагаемый период смерти жертвы с 15 до 4 дней, что сыграло ключевую роль в установлении хронологии преступления и виновности подсудимого. Этот случай наглядно продемонстрировал мировой юридической общественности потенциал энтомологических данных как надежного и научно обоснованного доказательства.

Современная судебная энтомология решает широкий спектр задач, выходящих далеко за рамки простого определения ДНС. Как справедливо отмечается в исследовании Марченко и Кононенко (1991) [2, с. 23] и подтверждается современной практикой, энтомологические данные позволяют установить:

- Точную давность наступления смерти: используя данные о видовом составе некробионтов и стадиях их развития с учетом температуры окружающей среды (закон суммы эффективных температур).
- Сезон и время года наступления смерти: наличие видов, активных только в определенные месяцы.
- Факт перемещения трупа: обнаружение на теле насекомых, не характерных для данной местности (географического региона).
- Первоначальное место нахождения трупа или место его сокрытия.
- Наличие токсических веществ в организме погибшего: современные химико-энтомологические исследования позволяют выявлять наркотические средства, токсины и их метаболиты в тканях личинок, питающихся трупным материалом. Это особенно важно при исследовании скелетированных останков.
- Иные факты: например, маршрут движения автомобиля по насекомым, сохранившимся на радиаторе.

Приезжая на место преступления, судебный энтомолог начинает большую работу: нужно собрать в разные банки по несколько насекомых каждого вида и

на каждой стадии развития. Жизненный цикл у насекомых сложный, сроки превращения личинки в гусеницу, а гусеницы во взрослое насекомое — например, бабочку — известны.

По тому, какие из этих стадий успело пройти первое поколение трупоедов, можно определить или уточнить время смерти — или время, когда труп оказался там, где его обнаружили. Иногда исследование трупной фауны помогает установить, не перемещали ли тело.

Редкие и нехарактерные для данной местности насекомые могут рассказать о путешествиях тела или груза. По насекомым иногда устанавливают происхождение растительного сырья для производства наркотиков.

Баночки с насекомыми отправляются в лабораторию. Там их классифицируют, измеряют и взвешивают, чтобы определить возраст, а еще — ищут в них свидетельства прижизненных увлечений погибшего: в тканях некробионтов задерживаются такие вещества, как кокаин, героин и феноталитал и их метаболиты. Насекомые и сами не чужды пагубных человеческих пристрастий. Если на трупе находят больше членистоногих, чем обычно, подозревают кокаин или героин.

Таким образом, можно констатировать, что судебная энтомология является достаточно важной областью знания, часто позволяющей следствию прийти к верным выводам.

В России исследование насекомых используется в интересах уголовного и гражданского, административного судопроизводства, а также для разрешения досудебных споров. В судебно-медицинском или уголовно-медицинском контексте внимание фокусируется на насекомых, которые колонизируют человеческие ткани в посмертных ситуациях. При подозрительной смерти может быть вызван судебный энтомолог для оказания помощи в обработке места преступления.

Как показывает анализ, в большинстве случаев, в России, судебного энтомолога привлекают для подтверждения наличия насекомых в помещении. В

большинстве случаев дела с упоминанием «энтомолога» в поисковой строке - административные. Также, для объективной оценки роли судебной энтомологии в отечественном правосудии нами был проведен количественно-качественный анализ материалов, размещенных в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» и на портале «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) за период с 2016 по 2026 год.

По запросу «энтомологическая экспертиза» обнаружено 328 судебных актов, из которых подавляющее большинство относятся к делам об административных правонарушениях.

Анализируя данные из СПС «ГАРАНТ», по запросу «энтомологическая экспертиза» выделяется всего 51 акт, из которых следуют основные аспекты назначения данной экспертизы. Например, в одном из дел компания-покупатель требовала возмещения убытков из-за ненадлежащего качества драже, в котором были обнаружены гусеницы и плесень. Энтомологическая экспертиза подтвердила наличие проблем с товаром [5].

В некоторых делах рассматривается выполнение услуг по противоклещевой обработке территорий и контроль её эффективности. Например, исполнитель обязан проводить энтомологическое обследование территории и контроль эффективности противоклещевой обработки [7]. Энтомологическая экспертиза применяется при исследовании подкарантинной продукции, например, для выявления вредных организмов, таких как восточная плодожорка. В рамках дел, связанных со строительством и инженерными изысканиями, энтомологическая экспертиза может быть частью комплексного исследования [6].

В практике зарубежной судебной энтомологии известно дело, рассмотренное окружным судом Пусана (Южная Корея) в 2022 году [9]. Пожилая женщина, страдавшая деменцией, была найдена мертвой в антисанитарных условиях. Родственников обвинили в оставлении в опасности, повлекшем смерть. Энтомологическая экспертиза обнаружила на теле личинки

мух *Lucilia sericata* на третьей стадии развития, что свидетельствовало о начале колонизации тела не менее чем за 72 часа до смерти. Это опровергло версию об уходе за женщиной в последние дни. Суд признал обвиняемых виновными в непредумышленном убийстве по небрежности [9].

Среди уголовных дел преобладают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ), где энтомологические исследования использовались для установления происхождения растительного сырья. Лишь в 3 случаях экспертиза назначалась по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ).

Наиболее показательным примером является уголовное дело расследовавшееся в Свердловской области в 2022 году. Обнаружение на трупе личинок мух вида *Lucilia sericata*, не характерного для места обнаружения тела в зимний период, позволило следствию сделать вывод о перемещении трупа из помещения с искусственным обогревом. Данный факт, подтвержденный заключением энтомолога, сыграл ключевую роль в изобличении подозреваемого, давшего противоречивые показания о времени и месте наступления смерти.

Приведенные данные подтверждают тезис о диспропорции: высокий научный потенциал метода остается невостребованным при расследовании тяжких преступлений против личности.

Выход в свет практического пособия «Судебно-медицинская энтомология» под редакцией Е. Х. Барина и А. Н. Приходько [11] знаменует переход от теоретических обобщений к эмпирически обоснованным региональным методикам.

Впервые в отечественной литературе представлены данные по видовому составу некробионтов конкретного региона — южной Карелии. Установлено, что доминирующими видами на открытых локациях являются *Calliphora vicina* и *Lucilia caesar*, тогда как в помещениях при температуре выше +15°C активно развивается *Protophormia terraenovae*. Выявлены статистически значимые

различия в скорости развития преимагинальных стадий по сравнению с более южными регионами, что требует корректировки расчетов давности наступления смерти (ДНС) по закону суммы эффективных температур.

Несмотря на очевидный прогресс, в Российской Федерации до настоящего времени отсутствуют единые федеральные методические рекомендации по производству судебно-энтомологических экспертиз, утвержденные на уровне Минздрава России или Минюста России. Действующий Приказ Минздрава России от 25.08.2023 № 441н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз» [4] упоминает биологические объекты исследования, но не содержит специального раздела, регламентирующего отбор, фиксацию и анализ энтомологического материала. Это создает риск утраты доказательственной силы заключений экспертов из-за процессуальных нарушений на этапе изъятия образцов.

Специфика судебно-энтомологической экспертизы требует особого подхода к формулировке вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Обобщение практики позволяет выделить следующие типовые вопросы:

1. Какова давность наступления смерти, исходя из стадий развития насекомых. Большинство из них - КоАП РФ Статья 6.4 [1]. Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта.

Некоторые судебные энтомологи работают в правоохранительных органах на постоянной основе. Но нередко эти судебно-медицинские специалисты работают на контрактной основе. Их вызывают для оказания помощи медицинским экспертам, полицейским и сотрудникам безопасности, чтобы дать ответ на важные вопросы, касающиеся расследования случаев смерти в результате уголовных преступлений.

Долгое время главным препятствием для широкого внедрения энтомологии в практику было отсутствие современных отечественных методических рекомендаций, учитывающих региональную специфику.

Ситуация начала меняться с выходом в 2024-2025 годах нового поколения учебной литературы.

Ключевым событием стала публикация практического пособия для вузов «Судебно-медицинская энтомология» под редакцией Е. Х. Баринова и А. Н. Приходько. Данная работа имеет ряд существенных новаций, важных для уголовного процесса:

1. Регионализация данных: впервые изучены характеристики и определен общий состав некрофильных насекомых на примере конкретного региона — южной Карелии. Это критически важно, так как видовой состав и скорость развития насекомых варьируются в зависимости от климатической зоны.

2. Дифференциация условий: выявлены особенности заселения некрофильными насекомыми трупов в условиях помещения и естественного биоценоза.

3. Методологическая стандартизация: разработан метод организации и проведения судебно-медицинских экспертиз давности смерти с использованием некрофильного энтомологического материала. Наличие утвержденной методики повышает доказательственное значение заключения эксперта и позволяет использовать его в качестве обоснованного источника доказательств по уголовному делу.

Процессуальной основой для использования специальных энтомологических знаний служат нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие порядок назначения и производства экспертиз (ст. 195-207 УПК РФ) [12], статус заключения эксперта как доказательства (ст. 74, 80 УПК РФ) и порядок хранения вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ). Формально энтомологическая экспертиза относится к классу судебно-медицинских или биологических экспертиз. Согласно Приказу Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72, она может выполняться в государственных судебно-экспертных учреждениях [3].

Однако анализ реального правоприменения в России, проведенный нами на основе данных портала «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт), выявляет существенный перекося. В подавляющем большинстве случаев упоминания об энтомологе или энтомологической экспертизе встречаются не в уголовных делах об убийствах, а в административных производствах. Данный факт свидетельствует о недоиспользовании научного потенциала судебной энтомологии при расследовании наиболее опасных преступлений против личности.

Одним из резонансных дел, демонстрирующих необходимость комплексных энтомологических и токсикологических знаний, стал инцидент в поселке Красная Сопка Красноярского края (сентябрь 2024 г.), где в результате отравления погибли четверо детей в возрасте от 6 до 13 лет [8].

Первоначально следствие рассматривало версию о некачественных продуктах питания (ст. 238 УК РФ). Однако позднее было установлено, что причиной трагедии стало попадание токсичного вещества (дихлофоса) на продукты питания и предметы обихода в результате его неправильного применения отцом семейства для борьбы с насекомыми. Дело было переквалифицировано на ч. 3 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности).

Какое отношение это дело имеет к судебной энтомологии? Прямое. В случае, если бы трупы детей были обнаружены не сразу, а спустя значительное время, и вопрос о вещественном доказательстве (дихлофосе) стоял бы остро, именно энтомологическая экспертиза могла бы сыграть ключевую роль. Насекомые, контактировавшие с телами, аккумулируют в своих тканях ядовитые вещества. Исследование личинок методом хромато-масс-спектрометрии могло бы достоверно подтвердить наличие инсектицида в организме погибших, даже если традиционные биологические образцы уже были бы непригодны для анализа. Этот случай подчеркивает важность развития направления энтомотоксикологии в России.

Несмотря на наличие изданных на русском языке трех учебных пособий (Марченко, Кононенко, 1991; Чайка, 2003, Баринов Е.Х., 2026) [10], следует отметить, что судебная энтомология является незаслуженно игнорируемой исследователями дисциплиной. С учетом криминогенной ситуации в России и в большинстве стран постсоветского пространства, нарастающей террористической угрозой, данный факт является недопустимым недочетом.

Однако она остается важным инструментом современного уголовного процесса, позволяющим получать ценные доказательства и устанавливать важные обстоятельства преступлений. Развитие этой науки продолжается, расширяя возможности судебной практики.

Библиографический список использованных источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. Марченко М. И. Судебно-медицинская энтомология / М. И. Марченко, В. И. Кононенко. – Л.: Медицина, 1991. – 152 с.
3. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз: приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 (ред. от 15.01.2026) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2023. – № 23.
4. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз: приказ Минздрава России от 25.08.2023 № 441н (ред. от 10.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.04.2025 № Ф02-912/25 по делу № А19-12491/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
 6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 августа 2020 г. № Ф04-2762/20 по делу N А03-16314/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
 7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 4 июля 2019 г. № 02АП-4424/19. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
 8. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.01.2017 № 07АП-8329/16 по делу № А27-11793/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 9. Приговор Окружного суда Пусана от 12 мая 2022 г. по делу № 2022 456 // Официальный сайт Верховного суда Республики Корея. URL: <https://www.scourt.go.kr/> (дата обращения: 18.03.2026).
 10. Судебная энтомология / В. Н. Чайка. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 80 с.
 11. Судебно-медицинская энтомология: практическое пособие для вузов / Е. Х. Баринов [и др.]; под ред. Е. Х. Баринова, А. Н. Приходько. – М.: Юрайт, 2026. – 120 с.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Сфера науки. 2026. Том 1. №4.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №4

Апрель 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026